BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΔΩΔΕΚΑΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Э. Регеля

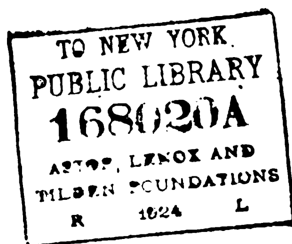
Члена-Корреспондента Академіи.

ТОМЪ XII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. K. L. Ricker, Inselstr. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1906 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

'Εκδίδοται τύποις έγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρουπόλει, μηνὶ Μαΐῳ ἔτους 1906-ου.
Ὁ ἰσόβιος γραμματεύς, ἀκαδημεικὸς Σ. Ὀλδενμπουργ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΔΩΔΕΚΑΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α'.

Изслѣдованія и матеріалы.

Μελέται καὶ ὕλαι.

Стр.

1*

ОТДѢЛЪ I.

Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ, въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ [1]).

«Кто думаетъ, что онъ знаетъ что нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать». I Коринѳ. 8,2.

Я хотѣлъ предложить вниманію Отдѣленія одно предположительное объясненіе аркауна или эркэуна, монгольскаго названія христіанъ. Это составило бы весьма краткое сообщеніе. Но объясненіе, гипотезу, приходится обосновывать на наличности извѣстной группы армянъ-халкедонитовъ, между тѣмъ представленіе вообще-то объ армянахъ-халкедонитахъ затуманено даже въ глазахъ спеціалистовъ завѣщанными мнѣніями, часто результатами національныхъ или вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій. Армянская національная церковь,—апостольская и древняя по существу и основнымъ традиціямъ, съ недавняго же сравнительно времени по недоразумѣнію называемая армяногрегорянской, въ самоопредѣленіи чрезмѣрно увлекается своимъ національнымъ характеромъ, теперь, несомнѣнно, присущимъ ей въ сильной степени, чрезмѣрно архаизируетъ его. Ея видный представитель, наиболѣе посвященный въ современную богословскую науку, ученикъ проф. Harnack'a, свою церковь признаетъ національной, можно подумать, со дня ея возникновенія: «армянская церковь», пишетъ о. Карапетъ Теръ-Мкртичянъ въ нѣмецкой диссертаціи о павликіанахъ, «возникла съ начала же, какъ самостоятельная, національная

1) Докладъ читанъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Импер. Русск. Арх. Общества 25 ноября 1904 г. и лишь въ двухъ, трехъ мѣстахъ восполненъ впослѣдствіи.

церковь въ совершенно иныхъ политическихъ и культурныхъ условіяхъ, чѣмъ великая каѳолическая церковь»[1]). Такимъ же увлеченіемъ представляется теорія членовъ великой каѳолической церкви, римской или греческой, но въ обратномъ смыслѣ. Съ этой стороны отрицается разумное основаніе для исторической выработки національной армянской церкви безъ «злой» воли позднѣйшихъ поколѣній армянъ или безъ «тлетворнаго» вліянія сирійскихъ учителей. Въ ядрѣ армянская церковь изображается ими отъ начала послѣдовательно каѳолической, халкедонитской и затѣмъ нѣкоторыми даже папистской. При обѣихъ теоріяхъ армяне-халкедониты перестаютъ быть дѣйствительными лицами: то это отщепенцы или какія-то мимолетныя грустныя тѣни, то великаны-призраки съ фантастическими очертаніями. Вниманіе не направляется въ должной мѣрѣ на то, что одно время халкедонитство и антихалкедонитство жили съ одинаковой силою въ массѣ армянскаго населенія. Не возникаетъ даже мысли, чтобы армянская литература являлась выразительницею не однихъ антихалкедонитскихъ, а и халкедонитскихъ церковныхъ взглядовъ. Между тѣмъ есть признаки, побуждающіе ставить прямо таки вопросъ о существованіи у армянъ нѣкогда цѣлой халкедонитской литературы. И эта литература, повидимому, не исчерпывалась одними полемическими и догматическо-богословскими трактатами. Грузинскіе переводы съ армянскаго начинаютъ клонить къ мысли, что они относятся не только къ древней эпохѣ единенія съ армянами, но и болѣе поздней, когда переводы дѣлались, повидимому, съ текстовъ армянскихъ халкедонитскихъ памятниковъ. Эти армянскіе тексты, судя по кой-какимъ даннымъ, отличались, пожалуй, нѣкоторымъ своеобразіемъ языка. Быть можетъ, внимательное, непредубѣжденное отношеніе къ памятникамъ древне-армянской письменности откроетъ, что и среди нихъ сохранились литературные труды армянъ-халкедонитовъ. Несомнѣнно, наличностью халкедонитскихъ памятниковъ на армянскомъ языкѣ естественнѣе всего объяснить появленіе въ различныхъ позднѣйшихъ армянскихъ сборникахъ очевидно халкедонитскихъ элементовъ. Живя въ то время, когда каждый текстъ на родномъ языкѣ представлялся памятникомъ армянской національной церкви, составители этихъ сборниковъ могли въ добросовѣстномъ заблужденіи

1) «Die armenische Kirche aber ist von Anfang an als eine selbständige, nationale entstanden, in ganz anderen politischen und kulturellen Verhältnissen als die grosse katholische Reichskirche» (Paulikianer, Leipzig 1893, стр. 55).

пользоваться для своихъ цѣлей и халкедонитскими источниками, писанными по армянски. Такимъ путемъ легче всего могли проникнуть въ армянскіе святцы такіе православные халкедониты, какъ папа Григорій и патріархъ Германъ, чествуемые въ качествѣ учителей армянскаго православія, въ армянскіе менологи — память VII-го собора, противоиконоборческаго, подтвердившаго между прочимъ и халкедонскій соборъ (см. Чамчянъ, II, стр. 486 — 487). Имѣется основаніе утверждать, что такихъ переживаній, почерпнутыхъ, вѣроятно, изъ халкедонитской армянской литературы, въ памятникахъ армянской національной церкви имѣется больше, чѣмъ то указалъ Чамчянъ.

Сейчасъ намъ не нужно прослѣживать генезисъ халкедонскаго движенія въ Арменіи. Для задачи настоящаго доклада достаточно отмѣтить нѣкоторыя явленія, свидѣтельствующія вообще о положеніи армянскихъ халкедонитовъ и способствующія ихъ классификаціи, а такія явленія могутъ относиться лишь къ моменту исторической наличности уже халкедонитства въ Арменіи, въ значительной же степени относятся ко времени послѣ того, какъ антихалкедонитство и халкедонитство въ Арменіи стояли лицомъ къ лицу, какъ двѣ болѣе или менѣе равныя борющіяся стороны. Быть можетъ, не лишне будетъ замѣтить, что для успѣха халкедонитства по существу почва была подготовлена несторіанствомъ, одно время процвѣтавшимъ въ Арменіи и, повидимому, внесеннымъ и въ Грузію, быть можетъ, сирійскими отцами. Въ Арменіи несторіане, несомнѣнно, были сильны, и ихъ приходилось выбивать изъ крѣпкой позиціи не только антихалкедонитамъ, но и халкедонитамъ, такъ напр. сильно причастному къ халкедонитству католикосу Нерсесу Строителю (Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ, веденныхъ въ сотрудничествѣ съ И. А. Джаваховымъ, и въ Іерусалимѣ, въ поѣздку 1902 г., стр. 18 — 19[1]). Тѣмъ не менѣе,

1) Только-что появившееся на страницахъ Арарата (1905, февраль, стр. 181—202) обстоятельно выполненное изданіе *Каноновъ Двинскаго собора*, состоявшагося, по свидѣтельству заглавія, «въ четвертый годъ императора Константина, благочестиваго царя ромеевъ», также привноситъ кое-что въ подтвержденіе имперскаго халкедонитскаго направленія католикоса Нерсеса прежде всего по сопровождающимъ текстъ оговоркамъ, такъ на стр. 192 сообщается, что настоящій церковный уставъ долженъ имѣть силу отъ времени Хосроя и Ираклія, т. е. памятникъ является такимъ образомъ выраженіемъ церковнаго теченія, начавшагося съ католикоса Эзра и получившаго дальнѣйшее развитіе между прочимъ и при Нерсесѣ. Памятникъ написанъ, какъ гласитъ заглавіе, по волѣ самого католикоса Нерсеса. По существу о составѣ *Каноновъ* надо ждать изслѣдованія издавшаго ихъ молодого ученаго С. Ѳ. Тиграняна.

діофизитская христологія халкедонитовъ была, конечно, очень близка къ несторіанству. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что еще въ VI-мъ вѣкѣ въ несторіанствѣ замѣчается тенденція сблизиться съ византійскимъ исповѣданіемъ (J. Labourt, Le cristianisme dans l'empire perse sous la dynastie Sassanide (224—632), Парижъ 1904, стр. 266). Такимъ реформаторомъ въ несторіанской церкви выступаетъ католикосъ Мар-Аба или Мараба (J. Labourt, ц. с., стр. 267, 268), тотъ самый Мараба, съ которымъ я отожествлялъ Марабу, автора историческаго сочиненія, сохранившагося на арабскомъ въ извлеченіяхъ, авторитета армянскаго историка Анонима, равно Моисея Хоренскаго (Н. Марръ, Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марибаса, Зап. Вост. отд., XIV, стр. 091).

Точно также нѣтъ надобности касаться и возникновенія антихалкедонитства въ Арменіи или раскрывать его содержаніе. Во избѣжаніе недоразумѣнія мнѣ бы хотѣлось лишь оговориться, что армянское антихалкедонитство отнюдь не исчерпывалось однимъ отрицательнымъ моментомъ, именно отрицаніемъ халкедонскаго собора, а носило въ себѣ и положительныя черты, вытекавшія изъ мѣстныхъ особенностей древнѣйшей христіанской церкви въ Арменіи. Эти положительныя черты восходили къ значительно болѣе древней порѣ, чѣмъ

Текстъ архаизмовъ не представляетъ. Персидское слово պայքար 184,8 характерно какъ нововведеніе эллинофиловъ, откуда и у Егишэ, въ армянскую литературу (ср. груз. ბეჰარი). Столь же ново и слово բեկար 100,126 (ბეგარა), также персидскаго происхожденія, и еще менѣе популярное въ древнеармянскихъ памятникахъ. При изданіи почему-то не соблюдена древняя ороографія աւ вм. օ, а въ сложныхъ словахъ оказано предпочтеніе двугласному է передъ ե, какъ напр. որդէգրութիւն, впрочемъ безъ послѣдовательности, такъ какъ печатается и ե въ такихъ случаяхъ, напр. բարեձեւութեամբ 183,34. Есть, конечно, спорные случаи, гдѣ издатель можетъ руководствоваться такъ называемымъ чутьемъ или своей личной симпатіею къ той или иной формѣ, почему, надо думать, нашъ издатель и выбралъ напр. գեղջն вм. գեաւղջն 190,122, тѣмъ болѣе обычное կայսեր вм. կայսերի 180,2. Нѣсколько болѣе рисковано оказывать предпочтеніе въ древнихъ текстахъ формѣ կաթողիկոս передъ կաթուղիկոս 181,6. Несомнѣнно слѣдовало дать предпочтеніе формѣ կանոնն 180,1, застрявшей хотя бы и въ одномъ позднѣйшемъ спискѣ, но все же болѣе соотвѣтствующей тексту, претендующему на принадлежность VII-му вѣку, да еще перу эллинофила. Еще менѣе понятно, что յուղանայցէ уступило мѣсто въ самомъ текстѣ формѣ յուլանայցէ. И, наконецъ, простымъ игнорированіемъ элементарной грамматики могу объяснить появленіе въ древнемъ текстѣ Ներոնին 181,6 вм. Ներոնի: въ древне-армянскомъ текстѣ впечатлѣніе отъ такого вульгаризма равносильно тому, что испытали бы мы при встрѣчѣ формы «ничаво» вм. «ничего» въ изданіи русскаго классика. С. Ѳ. Тигранянъ возстановленіе текста предоставилъ (см. стр. 180) о. Мхитару, но элементарная историческая грамматика древне-армянскаго языка должна быть одинаково дорога всѣмъ издателямъ древнихъ армянскихъ текстовъ.

время халкедонскаго броженія въ самой Арменіи и даже годъ халкедонскаго собора. Въ этомъ смыслѣ антихалкедонитство въ Арменіи является лишь условнымъ терминомъ, кличкою религіознаго движенія съ задачами, болѣе широкими и болѣе уходящими корнями въ глубь временъ, чѣмъ тѣ, которыя возбуждались халкедонскимъ соборомъ. Конечно, въ разгаръ халкедонитскихъ споровъ лозунгомъ являлось то или иное отношеніе къ положеніямъ спорнаго собора, болѣе того, и завѣщанныя черты древней армянской церкви въ эту пору стали истолковываться или даже перетолковываться съ той и другой стороны въ новомъ свѣтѣ опредѣленнаго отношенія къ халкедонскому собору, но тѣмъ не менѣе закваска армянскаго антихалкедонитства, закваска чисто церковная, лежитъ внѣ условій возникновенія халкедонскаго собора. Эта закваска никогда не теряла въ Арменіи значенія, и она-то и послужила главнымъ образомъ источникомъ особаго развитія армянской церкви, особаго не только отъ грекоправославной и несторіанской, но и отъ яковитской, несмотря на болѣе дружественное и часто весьма тѣсное съ нею общеніе.

Въ VIII-мъ вѣкѣ внутренняя борьба самихъ армянъ была еще весьма ожесточенна. Былъ, повидимому, критическій моментъ, когда представлялся еще вопросъ, кто восторжествуетъ, армяне-халкедониты или армяне-антихалкедониты. Конечно, обѣ стороны пользовались всѣми средствами для обезпеченія за ними господства, такъ они пользовались помощью всѣхъ единомышленниковъ не только изъ армянъ, но и изъ иностранцевъ. Помощь эта иноземцами подавалась охотно. Болѣе того, иноземцы какъ халкедониты, такъ антихалкедониты не только наблюдали съ интересомъ за борьбою въ ожиданіи, чья возьметъ въ Арменіи, не только охотно отзывались на обращенія къ нимъ единомышленныхъ въ церковномъ дѣлѣ армянъ о помощи, но и добровольно принимали живѣйшее, непосредственное участіе въ самой схваткѣ. Это однако не должно измѣнять нашего взгляда на дѣйствительное положеніе вещей, т. е. что въ Арменіи борьба по вопросу происходила въ мѣстной армянской средѣ наличными мѣстными армянскими силами съ обѣихъ сторонъ, а иноземцы, были ли то греки, грузины или сирійцы, являлись въ роли союзниковъ той или иной стороны, подчасъ весьма полезныхъ, даже могущественныхъ, но всеже союзниковъ, а никакъ не иниціаторовъ дѣла.

Если бы борьба шла главнымъ образомъ лишь между антихалкедонитами-армянами съ одной стороны и халкедонитами-неармянами съ

другой, пришлось бы искать объясненія и для такого явленія, какъ наличность ряда оригинальныхъ сочиненій на армянскомъ языкѣ, возникшихъ въ коренной Арменіи, въ защиту отъ халкедонитской точки зрѣнія. Обстоятельность возраженій, тщательная отдѣлка каждаго вопроса, возбуждаемаго халкедонитами, и необычайная страстность тона свидѣтельствуетъ достаточно, что если въ халкедонитствѣ надо было видѣть врага Арменіи, то врагъ этотъ былъ домашній. Таково впечатлѣніе, производимое между прочимъ полемическими трактатами Хосровика Переводчика, изданными архимандритомъ Гарегиномъ Овсепяномъ (Вагаршапатъ 1903).

Этотъ памятникъ во-очію свидѣтельствуетъ, что въ VIII-мъ вѣкѣ антихалкедонитской церковью въ Арменіи были пережиты тяжелыя минуты. Онъ говоритъ не только о критическомъ моментѣ, между побѣдою и пораженіемъ, но и о моментѣ согласія антихалкедонитовъ на компромиссъ, т. е. о моментѣ ихъ полупораженія. Вопросъ о согласованіи интересовъ антихалкединитовъ съ интересами халкедонитовъ въ Арменіи поднимался и утвердительно разрѣшался не разъ даже соборнѣ, какъ намъ извѣстно изъ халкедонитскихъ источниковъ, но здѣсь важно признаніе антихалкедонита Хосровика въ томъ, что онъ уступилъ-было и принялъ условія компромисса, предложенныя халкедонитомъ (стр. 6). Хосровика, убѣжденнаго поборника антихалкедонитства, на подобный шагъ могло побудить лишь сознаніе, что борьба съ халкедонитствомъ въ Арменіи становилась не подъ силу, казалось безнадежнымъ дѣломъ сломить силы армянъ-халкедонитовъ.

Другой такой же критическій моментъ наступаетъ въ началѣ IX-го вѣка. Положеніе армянъ-халкедонитовъ въ Арменіи и къ этому времени было еще на столько прочно, что они стремились въ ней къ господству. Сѣверо-западная Арменія съ областями Кларджкъ (Кларджетія) и Тайкъ (Тао) въ это время были уже въ ихъ рукахъ. Халкедонитство армянъ здѣсь находило горячую поддержку не только въ грекахъ, но и въ грузинахъ. Артануджскіе Багратиды, владѣтельные князья края, были уже халкедониты, и это не мало способствовало полному торжеству халкедонитовъ на этой окраинѣ.

Халкедонитство пробиралось и въ Сюнію черезъ Грузію и Албанію. Въ Албаніи также развертывалась борьба халкедонитовъ съ антихалкедонитами, причемъ ни тѣ, ни другіе не спасали албанской національности: халкедонитство подготовляло путь къ господству грузинъ, а антихалкедонитство — армянъ. Западная ея часть, такъ сказать

грузинская Албанія, дѣйствительно, и огрузинилась: это — древняя область Эретія, позднѣе вошедшая въ предѣлы Кахетіи. Однако и здѣсь, въ Эретіи, въ колонизаціи края грузинамъ предшествовали армяне, такъ что въ грузинъ обращались армяне, собственно обармянившіеся албанцы, если на одномъ показаніи Житія Давида Гареджійскаго строить этнографическую характеристику всего края, какъ это дѣлаетъ Броссе (Hist. de la Géorgie. Introduction, стр. X). Въ Житіи Давида Гареджійскаго (Груз. рай, стр. 277 сл.) подробно разсказанъ случай обращенія «варвара» Бубакара, съ которымъ святой бесѣдовалъ по армянски (სომხურითა ენითა). Въ X-мъ вѣкѣ въ Эретіи халкедонитство восторжествовало окончательно. Грузинскія лѣтописи (изд., стр. 197=перев. Brosset, I, стр. 279) дѣло излагаютъ такъ, будто до этого времени, т. е. до царствованія Ишханика прежніе (жители области) были еретики (антихалкедониты), Ишханикъ же былъ племянникъ эрис-тава эрис-тавовъ Гургена, и мать его царица Динара обратила ихъ въ православіе (халкедонитство). Но такое внезапное обращеніе немыслимо безъ того, чтобы въ странѣ халкедонитство было распространено и раньше. Въ грузинскомъ сообщеніи болѣе любопытно то, что въ X-мъ вѣкѣ князь этого края носилъ чисто армянское имя: Ишханикъ. Спустя сто лѣтъ по торжествѣ халкедонитства, при Давидѣ Строителѣ, Эретія вошла навсегда въ составъ Грузіи (изд., стр. 242=перев. Brosset, стр. 356). Восточная, resp. юговосточная часть Албаніи, судя по армянскимъ источникамъ, значительно раньше сдѣлалась достояніемъ антихалкедонитской церкви Арменіи. Однако халкедонитство и здѣсь едва-ли было искоренено въ концѣ VII-го вѣка. Правда, по настоянію антихалкедонитскаго католикоса армянъ Иліи арабскимъ халифомъ были приняты дѣйствительно крутыя, даже жестокія мѣры. Халкедонитскій патріархъ албанцевъ Нерсесъ былъ высланъ въ цѣпяхъ къ эмиру правовѣрныхъ (Катол. Іоаннъ, стр. 57), точнѣе осужденъ на такую ссылку, но предпочелъ умереть голодною смертью въ цѣпяхъ[1]) и въ цѣпяхъ же былъ похороненъ (Моисей Каланкатуйскій, изд. Эмина, стр. 238). Кромѣ того, рѣшено было истреблять «мечемъ и плѣненіемъ» тѣхъ, кто оказались бы халкедонитами» (Моисей Каланк., стр. 245). Наконецъ, и наслѣдовавшій Нерсесу албанскій патріархъ Симеонъ, ставленникъ

1) Не точенъ переводъ Эмина (стр. 240): «онъ не перенесъ этого и черезъ 8 дней скончался». Въ подлинникѣ сказано: «изъ-за этого онъ не принималъ пищи 8 дней и скончался».

армянскаго католикоса, «мужъ скромный» или, какъ переводитъ Эминъ, «кроткій», велѣлъ бросить въ рѣку цѣлые сундуки книгъ Нерсеса, полныхъ ереси, т. е. халкедонитства (Моисей Каланк., стр. 239). Но ссылки и цензура, весьма сомнительныя средства для борьбы съ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, едва-ли искоренили и вѣроисповѣдное иномысліе албанцевъ. Можно сильно сомнѣваться и въ томъ, что съ сундуками книгъ Нерсеса въ странѣ погибли всѣ халкедонитскія сочиненія? И даже въ Сюніи уже въ XIV-мъ вѣкѣ давали себя знать переживанія халкедонитскаго исповѣданія въ литературныхъ памятникахъ или, быть можетъ, въ самой жизни. Иначе трудно объяснить появленіе у Степана Орбеляна цѣлаго ряда греческихъ церковныхъ терминовъ, какъ то «эгомонос», «кон» вм. «икон», «псалт», «мартиролоѓ», «трапэз» и др., для которыхъ на армянскомъ языкѣ съ самаго начала существовали древніе родные эквиваленты. Ни изъ чего не видно, чтобы историкъ эти грецизмы позволялъ себѣ изъ пустого желанія порисоваться знаніемъ греческаго языка, какъ думалъ издатель Шаһназарянъ (I, стр. 329, прим. 30).

Но позднѣе подъ арабскимъ же владычествомъ и халкедонитство было сравнительно покровительствуемымъ исповѣданіемъ. Въ мусульманской странѣ въ началѣ VIII-го столѣтія распустился такой пышный цвѣтокъ восточнаго халкедонитскаго православія, какъ Іоаннъ Дамаскинъ. Къ IX-му вѣку отношеніе мусульманъ къ халкедонитамъ оказывается измѣнившимся и восточнѣе Дамаска.

Армяне-халкедониты въ это время думали достичь торжества въ самой центральной Арменіи. Этимъ можно объяснить стремленіе халкедонитовъ склонить на свою сторону членовъ все того же Багратидскаго дома, утвердившихся внутри Арменіи. Какъ ни скудны свѣдѣніями и естественно молчаливы дошедшіе до насъ армянскіе историки, всѣ члены антихалкедонитской церкви, все же и въ нихъ не замолчана одна изъ весьма серьезныхъ попытокъ обращенія армянскаго Багратидскаго дома въ халкедонитство. У Мхиѓара Айриванќскаго за 801-мъ годомъ читаемъ (изд. Патканова, стр. 68; изд. Эмина, стр. 53; Brosset, Histoire Chronologique par Mkhithar d'Aïrivank, St.-P. 1869, стр. 83):

«Епикура старается обратить Ашота въ халкедонскую вѣру, но вардапетъ Буретъ посылаетъ своего діакона Нану, который побѣждаетъ Епикуру и даетъ толкованіе Евангелія св. Іоанна».

Нѣсколько подробнѣе сообщаетъ о самой попыткѣ обращенія и

другой армянскій историкъ Варданъ (гл. XLII, изд. Эмина, 1861, стр. 107 — 108, изд. мхитаристовъ, Венеція 1862, стр. 78):

«Въ тѣ дни приходилъ епископъ, по имени Епикура, къ Ашоту и старался обратить его въ нечестивое халкедонитство. Услышавъ объ этомъ нѣкій Буретъ (Бюратъ), вардапетъ въ Месопотаміи, посылаетъ діакона Нану, который, явившись, состязается съ Епикурою и побѣждаетъ нечестивца силою. Тогда князь гонитъ его (Епикуру) и еще болѣе укрѣпляется въ вѣрѣ св. Григорія».

Противоположеніе вѣры св. Григорія халкедонитскому исповѣданію представляетъ анахронизмъ, такъ какъ въ свое время халкедониты и являлись особо ревностными поклонниками св. Григорія [1]). Печатаемый въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія арабскій текстъ Мученичества Просвѣтителя Арменіи, довольно архаичная версія среди существующихъ, представляетъ, повидимому, мелькитскій или халкедоскій памятникъ.

Въ сообщеніи Вардана важенъ отзвукъ критическаго положенія антихалкедонитства въ Арменіи начала IX-го вѣка. Историкъ, антихалкедонитъ, признаетъ, что былъ моментъ, когда самъ князь Арменіи, Ашотъ, былъ зараженъ сомнѣніемъ въ правотѣ антихалкедонитовъ или во всякомъ случаѣ казался легко уловимой добычею халкедонитской пропаганды. Появленіе въ Арменіи епископа Епикуры или Ѳеодора Абукуры, епископа Харанскаго, извѣстнаго на всемъ Востокѣ поборника халкедонитскаго православія, показываетъ, что домашніе халкедониты подготовили почву, и они разсчитывали на свое торжество. Какой успѣхъ имѣлъ Ѳеодоръ Абукура лично у князя Ашота, еще вопросъ. На грузинскомъ языкѣ сохранилось преніе Абукуры съ армяниномъ [2]). Въ памятникѣ имѣемъ тенденціозное изображеніе, повидимому, того религіознаго пренія, которое должно было имѣть мѣсто у князя Ашота. Судя по этому халкедонитскому источнику, армянинъ побѣжденъ. По свидѣтельству антихалкедонита Вардана, Абукуру побѣждаетъ діаконъ Нана и затѣмъ изгоняетъ его Ашотъ. Во всякомъ случаѣ за пріѣздомъ Абукуры въ Арменію нельзя не признать громаднаго значенія. Въ такомъ значеніи не отказывали этому событію

1) Наличіе этого анахронизма въ Исторіи Себеоса, именно въ сообщеніи о католикосѣ Нерсесѣ (изд. Патканова, стр. 141, 142), бросаетъ тѣнь на подлинную древность этой части армянскаго историка, казалось бы, наиболѣе надежнаго.

2) Рп. Общества распространенія грамотности среди грузинъ, въ Тифлисѣ, № 51, лл. 67а—68а.

сами антихалкедониты, современники. Мѣстныя силы, очевидно, даже не рѣшались выступить противъ авторитетнаго Абукуры. Если рѣшились, то они, надо думать, были побиты. Для состязанія съ пріѣзжей знаменитостью, поборникомъ халкедонскаго собора, антихалкедониты принуждены были пригласить чужестранца діакона Нану изъ Месопотаміи. Къ сожалѣнію, о характерѣ пренія его съ Абукурою у насъ нѣтъ сторонняго источника. Извѣстно только, что Нана былъ выдающійся сирійскій полемистъ яковитской церкви. Изъ сирійскихъ источниковъ извѣстно (В. Райтъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, переводъ К. А. Тураевой подъ редакціею П. К. Коковцова, СПб. 1902, стр. 145), что Ноннъ былъ архидіаконъ яковитской церкви въ Низибіи въ теченіе первой половины этого (IX-го) столѣтія, послѣ того какъ несторіанскій епископъ Кипріанъ дозволилъ монофизитамъ взять обратно въ свое владѣніе церковь св. Домитія въ 767 г. Онъ упоминается у Баръ-эбрея въ качествѣ обвинителя епископа Филоксена, который держалъ сторону анти-патріарха Авраама и былъ поэтому низложенъ соборомъ, собравшимся въ Расайнѣ въ 827 или 828 г. (Баръ-эбрей, Chron. Eccles., I, 363, B. O., II, 346, столб. 1). Мы знаемъ также, что онъ былъ въ темницѣ въ Низибіи, когда писалъ свое сочиненіе противъ Ѳомы, епископа Маргскаго и митрополита Бетъ-Гармайскаго, который подвизался при несторіанскихъ католикосахъ Авраамѣ (837 — 850) и Ѳеодосіи (852 — 858). Кромѣ этого полемическаго трактата въ четырехъ рѣчахъ, Ноннъ написалъ много различныхъ писемъ подобнаго же характера.

Этого-то Нонна армяне и называютъ «Нана», и на сирійскомъ, судя по формамъ, приводимымъ въ каталогѣ Райта (I, стр. 618: ܢܢܘܣ, ܢܘܢܘܣ и ܢܘܢܐ), имя звучало различно, именно Нанос, Нонос и Нона; армянское Нана сохранило, повидимому, еще новую, четвертую форму имени, вѣроятно, также существовавшую у сирійцевъ.

Въ каталогѣ Райта (Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum, 1871, II, стр. 618—620) всѣ перечисленныя сочиненія описываются кратко по рукописямъ Британскаго музея. На сколько можно судить по этому описанію, для нашего вопроса мы не имѣемъ въ нихъ свѣдѣній. Впрочемъ при болѣе полномъ знакомствѣ, быть можетъ, вскроются искомыя свѣдѣнія въ одномъ письмѣ Нонна къ благочестивому анонимному корреспонденту, предложившему ему вопросъ о двухъ естествахъ въ Христѣ (Wright, ц. с., стр. 619,3).

Этотъ вопросъ являлся основнымъ и въ спорѣ антихалкедонитовъ съ халкедонитами.

На армянскомъ языкѣ сохранилось Толкованіе Евангелія Іоанна, принадлежащее перу архидіакона Нонна. Судя по предисловію, Ноннъ или Нана, какъ звали его армяне, пользовался въ Арменіи славою и какъ писатель вообще.

Слѣдующій отрывокъ изъ предисловія съ подтвержденіемъ этой славы и другими любопытными данными заключаетъ въ себѣ намекъ и на схватку Наны съ Θеодоромъ Абукурою, безъ указанія однако имени послѣдняго. Предисловіе принадлежитъ армянскому переводчику, который и говоритъ[1]):

Քանզի այր ոմն սարկաւագապետ գոլով. Նանայ անուանեալ. յոյժ հմուտ և վարժ ասորի դպրութեան. ստացաւ բոլորից առաքինութեան պարկեշտ վարուք. մաքուր առ ամենայն մարմնական[2]) հեշտութիւնս. աղբեւրաբար ընկալեալ զշնորհս վարդապետութեան ի հոգւոյն սրբոյ ուղղափառ հաւատոյն՝ որ ի Քն։ Որ և յանդիմանեալ զոմն հերետիկոս. զայր պերճաբան և իմաստասէր. վանեալ հալածական առնէր յաշխարհէս Հայաստանեայց. որ երբեմն խոտորնակս ուսուցանէր. յերկուս բաժանելով զՔի անբաժ միաւորութիւն.

«Нѣкій мужъ, по имени Нана архидіаконъ, весьма освѣдомленный знатокъ сирійской литературы, стяжалъ всякія добродѣтели благочестивымъ образомъ жизни, будучи чистъ отъ всѣхъ плотскихъ удовольствій, и получилъ благодать учительства обильную, какъ источникъ, отъ святого Духа православной вѣры во Христа. Онъ и обличилъ нѣкого еретика, краснорѣчиваго философа и, побѣдивъ его, обратилъ въ бѣгство изъ нашей страны Арменіи, такъ какъ тотъ училъ вкривь, дѣля на два нераздѣльное единеніе Христа, на-

1) Памятникъ сохранился въ рядѣ эчміадзинскихъ рукописей. Текстъ всего предисловія и извлеченіе изъ самаго толкованія Наны мнѣ доступны по двумъ датированнымъ рукописямъ эчміадзинской монастырской библіотеки, одна (А) изъ которыхъ 1308-го года (№ 1347=Кар. 1311), другая (В)—1414-го (№ 1346=Кар. 1310). Я располагаю выписками архидіакона Смбата Теръ-Аветисяна, любезно сдѣланными имъ по моей просьбѣ. Памятникъ использованъ еще армянскимъ историкомъ XVIII-го вѣка мхитаристомъ Чамчяномъ (II, стр. 441, 444). Въ предлагаемомъ ниже изданіи возстанавливаю вездѣ ու вм. օ, какъ стоитъ въ доставленномъ мнѣ спискѣ, а также եւ вм. իւ. Устраняю совершенно слѣдующія очевидныя описки: յերկուս AB вм. յերկուց 20, նախանձեալ B вм. թախանձեալ 24, վասմամբին AB 54—55, խորութեան B 72, Հեռեւորն B 83, Հրապարակաւն B вм. Հրապուրակաւն 99—100, զիջանելով, но потомъ надписано էր B вм. զիջանէր 108, աներկիւղաբեր B вм. աներկիւղաբար, resp. աներկեւղաբար 113, ափխնոյն AB 125.

2) + առաւք մարմնական B.

որ յետ անքակ և անշփոթ մարմնաւորութեանն։ Եւ հաստատէ վերստին զնոյն ուղղափառ[1]) որ ի Ք͞ս դաւանութիւնն. մի յերկուց բնութեանց խոստովանեալ՝ զա͞ծականն բնութեամբ. իսկ զնուաստականն կամաւոր յանձնառութեամբ[2])։

Զնա թախանձեալ մեծին Բագարատայ. որ ի տանէն Բագրատունեաց. այր յոյժ բարձրագոյնս[3]) ստացեալ զանուն. որ և պետ իշխանաց երբեմն ի բարբարոս ազգէն հագարացւոց անուանեալ. որպէս թէ այնու առաւել պատուի զնա արժանաւոր վարկուցեալ. զորոյ և զանցս անցիցն յիւրում տեղւոջն փոքր ինչ յիշատակեսցուք։ Եւ զի՞նչ արդեաւք իցէ աւրինակ խնդրոյն. ստանալ նմա զմեկնութիւն սրբոյ աւետարանին Յոհաննու։

Որոյ փոյթ ի մտի եդեալ վաղվաղակի ի ձեռն ուժգին պահոց և աղաւթից. ջան ոչ փոքր յանձին բերէ շրջագայութեամբ երից ամաց. յածեալ ընդ անապատս յերկրին Միջագետաց. ուր և յուսայր իսկ գգիւտ դրոց ուղղափառ վարդապետացն։ Եւ հանդիպեալ խնդրոյն առաջնորդութեամբ վերին խնամոցն շարագրէ[4]) համառաւտաբար ի բազմաց հաւաքելով մի ըստ միոջէ ոճով զՄեկնութիւն Յոհաննու սրբոյ աւետարանին. փո-

ступившее послѣ нерасторжимаго и несмѣшеннаго воплощенія. И онъ снова утвердилъ прежнее православное исповѣданіе во Христа, признавъ одну изъ двухъ природъ, божественную по природѣ, униженную по добровольному пріятію.

Его-то и просилъ великій Баграть изъ дома Багратидовъ, стяжавшій весьма высокое имя, иногда именовавшійся у варварскаго рода агарянъ и главою князей, какъ бы признанный тѣмъ достойнымъ большей части. О происшедшемъ съ нимъ я упомяну кое-что вкратцѣ ниже. Что же могло быть образомъ его просьбы? Пріобрѣсти себѣ толкованіе святого Евангелія Іоанна.

И немедленно рѣшивъ озаботиться въ постѣ и молитвахъ, онъ (Нана) беретъ на себя не малый трудъ, странствуетъ три года и скитается по пустынямъ въ Месопотаміи, гдѣ онъ надѣялся найти книги православныхъ учителей. И онъ достигъ цѣли благодаря руководству горняго попеченія и сочинилъ Толкованіе святого Евангелія Іоанна, собирая вкратцѣ изъ многихъ въ систематическомъ порядкѣ и перелагая съ

1) մարմնաւորութեանն։ Եւ—ուղղափառ < A յերկուս.

2) իսկ—յանձնառութեամբ < B.

3) զբարձրագոյն B.

4) շահագրէ A.

խաբերելով յասորի լեզուոյն ի հագարական լեզու։

Իսկ յորժամ ըմբռնեալ լինէր ի հագարական ազգէն մեծն և երևելին այն իշխանն հայոց վսեմամիտն. որ և զբովանդակն յանձին բերէր ունել զգիտութիւն. որ ի Ք̅ս հաւատոցն. որ և նախանձ ոչ փոքրագոյն վասն Ք̅սի միշտ յանձին կրէր կշտամբել և յանդիմանել զհերձուածողացն դասս. ոչ ինչ արութիւն քաջութեան այնուհետև ըստ արժանի իւրոյ մեծութեան երևեցոյց. այլ երագապէս ի վայր հոլովեալ յա̅ծային բարձրագոյն հաւատոցն զոր ունէր. գլորեցաւ վաղվաղակի ի վիհ անկանգնելի կորստեանն և ի բաց ընկենլով զդրոշմ ուխտի ճշմարիտ հաւատոցն. սուգ անհնարին բոլոր աշխարհիս Հայաստանեայց հասուցանէր. Թէպէտ և հրըշտակացաւ ի լսելիս մեր ի խորութեան սրտին հաստատուն պահելով զճշմարիտ հաւատոյս դաւանութիւնս։

Յայնմ ժամանակի ի ձեռն պատահման իմն գանձ գրոյս հասեալ լինի առ տէր Սմբատ Բագրատունի. զոր ընկալեալ խնդութեամբ մեծաւ՝ հրամայէ փութով ի հագարացւոցն ի հայական վերաբերել լեզու. ոչ ինչ ներելով իմոյ տկարութեանս։

Այլ զոր մեծն այն հռետորն. կատարեալ յարուեստս և իմացականութիւնս. այնքան ջան յանձին բերելով տաժանեցաւ. ո՞վ ոք ոչ

сирійскаго языка на агарянскій.

Но когда агарянскимъ народомъ былъ схваченъ великій и замѣчательный армянскій князь (Багаратъ), высокаго ума, вмѣщавшій въ себѣ все знаніе вѣры во Христа и являвшій не меньше ревности о Христѣ, прощая и обличая ряды еретиковъ, то онъ не обнаружилъ тогда доблестнаго мужества, достойнаго его величія, а, скатившись внизъ быстро съ божественной высоты вѣры, которой онъ держался, живо свалился въ пропасть непоправимой гибели и отвергъ печать обѣта истинной вѣры, чѣмъ онъ причинилъ всей армянской странѣ безысходное горе, хотя и дошла до нашего слуха ангельская вѣсть, что въ глубинѣ сердца онъ сохраняетъ твердо исповѣданіе истинной вѣры.

Въ то время, благодаря какому-то случаю, сокровище, книга (Наны), попадаетъ къ господину Смбату Багратиду. Получивъ его съ великой радостью, Смбатъ велитъ съ арабскаго поспѣшно переложить на армянскій языкъ, когда мое безсиліе не позволяло исполнить это.

И каждый будетъ порочить мое дерзновеніе даже думать о такихъ высокихъ мысляхъ, какія выработалъ великій риторъ (На-

զիմս աղարտեսցէ յանդգնութիւն մտաբերել անգամ յայսքան բարձրագոյն խորհուրդս։ Զորոյ և ոչ զառաքինութիւն առնն պարտէ. որ յետ այնորիկ գործեցաւ. անյիշատակ թողուլ...

Սա ըմբռնեալ եղև ի մերում իսկ ժամանակի ի հագարական ազգացն վասն նախանձու որ ի նմանէ[1]) բազմափայլ վարդապետութեան և ներհակս միշտ առադրելոյն դնանի ի բանդի հանդերձ որդւովք իւրովք. որով բազում անգամ բանս հրապուրականս առաջի արկեալ հանդերձ յոքնազան պարգևաւք. ոչ ինչ խոնարհեցոյց զանխոնարհելի խորհուրդս մտացն որ ի Քս։ Դարձեալ յայլ տեսակս[2]) հնարից բերեալք լինէին սպառնմամբ բանդից և կապանաց և պէսպէս տանջանաց. այլ ոչ ինչ զանգիտելով երբէք վիջանէր ի բարձրագոյն հաւատոցն որ ի Քս։ Եւ մնացեալ ի բանդի անդ բազում ժամանակս ոչ միայն զինքն ամբողջ պահելով յանբիծ հաւատսն. այլ և բազմաց լինի առիթ փրկութեան աներկեւղաբար միշտ պահելով զարգելանաւորսն ի բանդին. ուսուցանելով և հաստատելով ի հաւատս ամենասուրբ երրորդութեան։

Եւ յետ այսորիկ այսպէս եղելոյ հասեալ լինի գանձն[3]) գրոյս այսորիկ առ Մարե[ա]մ Բագրատունի. Սիւնեաց տիկին. ի ձեռն Աշոտոյ

1) ի նմանէ] ի B.
2) տեսակ B.
3) գանձ B.

на), совершенный въ наукахъ и философіяхъ, цѣною столь утомительнаго труда. И доблести этого мужа, проявленной послѣ того, не нужно и оставлять безъ памяти...

Онъ былъ схваченъ въ наше уже время агарянскими племенами изъ зависти къ его блистательнѣйшему учительству и изъ-за постояннаго изложенія полемическихъ словъ и помѣщенъ въ темницу вмѣстѣ съ сыновьями. Нѣсколько разъ дѣлали ему обольстительныя предложенія съ многообразными подарками, но онъ нисколько не смирилъ непреклонныхъ мыслей своего ума о Христѣ. Обращались затѣмъ и къ другого рода средствамъ, угрожая темницею, узами и различными муками, но онъ нисколько не пугался и не опускался съ высочайшей вѣры во Христа. Въ темницѣ Нана оставался долго, не только сохранивъ себя безукоризненно въ вѣрѣ, но и становясь причиною спасенія многихъ: онъ безъ страха берегъ всегда заключенныхъ въ темницѣ, научалъ ихъ и утверждалъ въ вѣрѣ пресвятой Тройцы.

И послѣ того, какъ это такъ случилось, сокровище, настоящая книга Наны, попало къ Маріи Багратидской, государынѣ Сюніи,

հաւր իւրոյ. մեծ և երևելի տեառն Բագրատունւոյ իշխանաց[1]) իշխանի: իսկ երանուհւոյս Սիւնեաց տիկնոջ փոյթ ի մտի եդեալ վաղվաղակի հրամայեաց երկիցս անգամ փոխաբերել ի հայկան լեզու առաջնորդութեամբ վերին խնամոցն:	черезъ Ашота, ея отца, великаго и замѣчательнаго господина Багратида, князя князей. А блаженная государыня Сюніи рѣшила и тотчасъ приказала вторично переложить его на армянскій языкъ подъ предводительствомъ горняго попеченія».

Для характеристики направленія богословской мысли въ Арменіи начала IX-го вѣка чрезвычайно интересно, что армяне въ борьбѣ съ халкедонитствомъ становятся за спиною поборника яковитства.

Но для нашего вопроса любопытно, что современникъ событія вовсе не говоритъ подобно Вардану, будто Нана утвердилъ вѣру Григорія Просвѣтителя; онъ и о бѣгствѣ Ѳеодора Абукуры говоритъ, какъ объ естественномъ послѣдствіи предполагаемой побѣды Наны: его обращаетъ въ бѣгство Нана, а не изгоняетъ князь Ашотъ.

Достойно вниманія, что вскорѣ за поѣздкою Ѳеодора Абукуры въ Арменію именно въ 821-мъ году, по свидѣтельству Мхитара Айриванкскаго, цѣлая область цодеевъ (цондеевъ) перешла въ халкедонитство.

Конечно, спору нѣтъ, что антихалкедонитство въ Арменіи взяло верхъ. Антихалкедонитская община съ ея мѣстными, первоначально чисто церковными традиціями, идущими далеко вглубь временъ, постепенно вырабатывалась въ армянскую національную церковь. Церковь, вышедшая побѣдительницей изъ отчаянной борьбы на жизнь и смерть съ халкедонитствомъ, конечно, не могла остаться съ тѣмъ богословскимъ міровозрѣніемъ, съ какимъ она вступила въ бой. Естественно, она успѣла за продолжительное время борьбы усвоить коечто халкедонитское.

Я здѣсь имѣю въ виду разсужденія армянскихъ антихалкедонитовъ объ естестествахъ, въ которыхъ замѣчается сознательное усвоеніе въ ходѣ изложенія халкедонитскихъ представленій о наличности и даже качествѣ соотношеній двухъ природъ въ Христѣ, что однако не мѣшало имъ въ конечномъ результатѣ приходить къ ученію объ одной природѣ. Этотъ пріемъ замѣчается между прочимъ еще у Хосровика Переводчика. Извѣстно, что вообще въ монофизитской

1) *իշխանաց* > B.

церкви еще въ VI-мъ вѣкѣ замѣчается такое же стушевываніе присущихъ ей особенностей[1]). Но тѣмъ не менѣе представило бы большой интересъ выясненіе всѣхъ тѣхъ чертъ богословскаго мышленія и даже внѣшнихъ полемическихъ пріемовъ, которые, быть можетъ, невольно, но сознательно были восприняты армянской національной церковью отъ армянъ-халкедонитовъ.

Въ принципѣ церковь, побѣдившая въ Арменіи, осталась, конечно, антихалкедонитской. Быть можетъ, было бы точнѣе сказать, что антихалкедонитство осталось въ армянской церкви въ качествѣ священной реликвіи, свидѣтельницы ея былой борьбы за свое независимое развитіе, на почвѣ мѣстныхъ церковныхъ традицій. Послѣ торжества національзація армянской антихалкедонитской церкви пошла гигантскими шагами.

До этого момента и халкедониты армяне были національны и патріотичны, не хуже, чѣмъ антихалкедониты. Любопытно въ этомъ отношеніи, что халкедониты въ нападкахъ на антихалкедонитовъ обвиняли послѣднихъ въ подрывѣ значенія армянской знати, т. е. для того времени, значитъ, въ отсутствіи національнаго чувства. Обвиненіе это сохранилось даже въ грузинскомъ памятникѣ IX—X-го вѣка, основанномъ на армянскихъ халкедонитскихъ источникахъ: когда «персы завладѣли Арменіею», пишетъ авторъ этого памятника католикосъ Арсеній (Ѳ. Жорданія, Хрон., I, стр. 326), по винѣ персидскихъ марзпановъ христіанскій порядокъ подвергся поруганію, правленіе церквей прекратилось и власть армянской знати (აზნაურთა) пала, тогда католикосы и епископы отклонились отъ правды и, получивъ отъ персовъ дерзновеніе противостать (родной) знати, стали они сами платить сельскія повинности (ხარკსა სოფელთასა) и всю страну довѣрили епископамъ и хорепископамъ, какъ покорнымъ персидскому царству».....
«родовитые армяне (აზნაურნი) приходили къ епископскому двору, но не находили доступа (არა ჰპოვიან ჟამი შესლვად), и они возвращались со стыдомъ, точно отъ двора персидскихъ марзпановъ».

Позднѣе, въ связи съ національзаціею армянской антихалкедонитской церкви, въ средѣ халкедонитовъ происходитъ обратное явленіе,

1) «Le monophysisme au VI-e siècle s'affina singulièrement, au point qu'il devint difficile de le distinguer de l'orthodoxie autrement que par le refus d'admettre le concile de Chalcédoine et le «tome» de Léon» (J. Labourt, Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide, стр. 266).

именно денаціонализація, нанесшая армянскому народу громадный ущербъ, и численный, и нравственный.

Смотря по сферѣ вліянія, армяне-халкедониты стали сливаться съ грузинами, греками или сирійцами. Благодаря этому процессу денаціонализаціи армянъ-халкедонитовъ, Грузія обогатилась двумя областями, въ высшей степени производительными, часто прямо-таки блестящими, въ культурной жизни грузинъ. Рѣчь о Тао и Кларджетіи. Я говорю о двухъ этихъ областяхъ, такъ какъ въ отношеніи ихъ мы располагаемъ теперь немногими, но характерными данными.

Въ «Византійскомъ Временникѣ» (1904 г., XI т., приложеніе № 1) появился впервые въ печати подлинный текстъ весьма интереснаго для насъ документа. Ново-греческій переводъ, анонимная работа 1782-го года, былъ обнародованъ Георгіемъ Мусеосомъ (G. Musaeus) еще въ 1888 году (Γρηγόριος Πακουριανός, Dissertatio philologica, Lipsiae, стр. 157—210), но здѣсь серьозныя неточности и даже искаженія въ наиболѣе существенныхъ мѣстахъ. Подлинный текстъ издалъ ассомпсіонистъ о. Louis Petit подъ заглавіемъ: Τυπικὸν de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos (Bačkovo) en Bulgarie. Издатель далъ предисловіе съ интересными данными, часть которыхъ собрана уже у Мусеоса.

Памятникъ, писанный древне-греческимъ языкомъ, представляетъ уставъ грузинскаго монастыря Петриҫона. У грузинъ этотъ монастырь извѣстенъ тѣмъ, что изъ него вышелъ грузинскій мыслитель XI—XII-го вѣка, переводчикъ нѣсколькихъ философскихъ сочиненій, между прочимъ переводчикъ или, быть можетъ, даже авторъ замѣчательнаго толкованія Богословскихъ началъ Прокла. Его звали Іоанномъ Петриҫонскимъ. Оттуда-же, изъ Петриҫона, былъ, повидимому, грузинскій монахъ Давидъ Петриҫонскій, въ 1030 году переводившій творенія отцовъ церкви въ сотрудничествѣ съ монахомъ Арсеніемъ, судя по записи въ одной рукописи Гелатскаго монастыря (Н. Кондаковъ и Д. Бакрадзе, Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, СПб. 1890, стр. 54). Эта дата, если она прочитана Бакрадзе вѣрно, показываетъ, что въ Петриҫонѣ грузинскіе монахи существовали раньше, чѣмъ былъ основанъ монастырь по нашему документу, т. е. раньше 1083-го года, когда въ такомъ случаѣ грузинскій монастырь въ Петриҫонѣ собственно былъ возобновленъ и несомнѣнно получилъ новый уставъ (ср. А. Цагарели, Свѣдѣнія и пр., вып. III, стр. XII, прим.). Основателемъ славнаго

монастыря Петрицона, равно авторомъ устава является Григорій Бакуріанъ, извѣстный изъ грузинскихъ и изъ армянскихъ источниковъ, но еще болѣе извѣстный въ византійской исторіи какъ государственный дѣятель, сыгравшій главную роль въ воцареніи Алексѣя, администраторъ, надѣляемый крупными помѣстіями въ различныхъ частяхъ имперіи, особенно въ Болгаріи. Одно время онъ былъ и правителемъ города Ани. Сейчасъ для насъ интересенъ самъ текстъ устава. Изъ устава, принадлежащаго перу Григорія Бакуріана, явствуетъ, что въ грузинскій монастырь при извѣстномъ условіи допускались всѣ православные, т. е. всѣ халкедониты, кромѣ грековъ. 24-ая статья устава посвящена къ исключенію изъ братьи грека: Περὶ τοῦ μὴ κατάτασσεσθαι Ῥωμαῖον πρεσβύτερον ἢ μονάζοντα ἐν τῇ κατ' ἐμὲ μονῇ, καὶ δἰ ἥντινα τὴν αἰτίαν. Разрѣшается держать грека лишь въ качествѣ писца (μόνον νοτάριόν τινα, εἰδότα γράμματα κτλ). Приводится и мотивъ, почему доступъ грекамъ въ число братьи запрещается: «они насильники, многорѣчивы и любостяжательны» (βίαιοι ὄντες καὶ περίλογοι καὶ πλεονέκται), и легко могутъ присвоить себѣ монастырь, «что часто случалось, какъ мы видѣли, съ нашимъ племенемъ по простотѣ и податливой природѣ. Если же не будетъ этого (запрета грекамъ), мы будемъ слѣдовать за ними, какъ учителями, и повѣримъ ихъ доказательствамъ» (οἵαπερ πολλάκις συμβεβηκότα εἴδομεν ἐν τῇ ἡμετέρᾳ φυλῇ ἐξ ἁπλότητος καὶ γνώμης ἐπιεικοῦς. εἰ δὲ μὴ τοῦτο ἦν; ἡμεῖς τούτοις τῇ πίστει ὡς διδασκάλοις ἑπόμεθα καὶ τοῖς ἐκείνων πειθόμεθα δόγμασι).

Сами эти основанія запрета грекамъ показываютъ, что уставъ допускалъ принятіе вообще православнаго инородца въ грузинскій монастырь. Однако инородецъ получалъ доступъ при условіи, чтобы онъ зналъ грузинское письмо и языкъ. Это выражено ясно во вступленіи устава, гдѣ самъ основатель свое дѣтище называетъ монастыремъ «всѣхъ монашествующихъ, знающихъ грузинское письмо и языкъ» (πάντων τῶν μοναζόντων τὴν ἰβηρικὴν ἐπισταμένων γραφὴν καὶ διάλεκτον[1]). Было бы ошибочно думать, что такое требованіе вытекало изъ нетерпимости къ другимъ языкамъ. «Священнослуженіе мы должны неукоснительно отправлять», пишетъ Григорій Бакуріанъ въ XV-й главѣ устава (стр. 34—35), «съ любовью и бдѣніемъ денно и нощно по Божьей милости и по дару, дарованному Спасителемъ, каждому

1) Musaeus совершенно исказилъ смыслъ мѣста своимъ вольнымъ переводомъ (стр. 157): οἱ ὁποῖοι εἶναι Ἴβηρες (!) καὶ γινώσκουσι καλῶς (!) τὰ ἰβηρικὰ γράμματα καὶ τὴν ἰβηρικὴν γλῶσσαν.

языку согласно съ его собственной рѣчью (ἑκάστῃ γλώσσῃ κατὰ τὸν ἴδιον φθόγγον)». Очевидно, требованіе предъявлялось въ какихъ то иныхъ видахъ. Оно могло вытекать изъ желанія удостовѣриться въ халкедонитскомъ православіи аспирантовъ и изъ возможнаго недовѣрія въ этомъ отношеніи къ армянамъ, такъ какъ задолго до этого времени вполнѣ организованная, господствующая армянская національная церковь была антихалкедонитская. Ввиду такого же недовѣрія еще раньше въ палестинскихъ монастыряхъ отъ армянъ-халкедонитовъ требовали пѣнія трисвятой пѣсни на греческомъ языкѣ. Но, быть можетъ, требованіе знанія грузинскаго языка предъявлялось въ видахъ единства церковной службы. Во всякомъ случаѣ изъ обстоятельствъ видно, что прежде всего требовалось умѣніе пользоваться грузинскими богослужебными книгами. Перечень вкладовъ самого основателя въ монастырь въ числѣ цѣнныхъ предметовъ, отдѣланныхъ различными камнями, жемчужинами и эмалью (стр. 14: διὰ διαφόρων λίθων τε καὶ μαργάρων καὶ χυμεύσεως), называетъ вмѣстѣ съ греческими евангеліями, какъ основными подлинниками, лишь грузинскія (καὶ ἱερὰ εὐαγγέλια κατά τε τὴν ἑλλάδα φονὴν καὶ γραφὴν καὶ τὴν τῶν Ἰβήρων). О происхожденіи же аспирантовъ основатель не говоритъ ничего, такъ какъ въ числѣ монашествующихъ въ Петриционской обители, «знающихъ грузинское письмо и языкъ», могли быть и дѣйствительно были армяне. Это ясно изъ слѣдующаго обстоятельства: уставъ Петриционскаго монастыря былъ написанъ на трехъ языкахъ, на греческомъ, грузинскомъ и армянскомъ (стр. 56). Греческій текстъ, скрѣпленный подписью основателя Григорія Бакуріана и іерусалимскаго патріарха Евѳимія[1]), долженъ былъ служить оффиціальнымъ документомъ, а грузинскій и армянскій тексты для справки братьи, не знающей греческаго. Это объясненіе самого основателя: ἐγράφη δὲ ῥωμαϊκόν, ἰβηρικὸν καὶ ἀρμενικὸν διὰ τὸ τοὺς μοναχοὺς τῆς τοιαύτης μονῆς Ἴβηράς τε τυγχάνειν καὶ μὴ ἐπίστασθαι ῥωμαϊκὰ γράμματα· ἀλλ' ὀφείλει μετέρχεσθαι τὸ τοιοῦτον τυπικὸν διά τε τῶν ἰβηρικῶν καὶ ἀρμενικῶν γραμμάτων· τὸ κῦρος δὲ τυποῦμεν ἔχειν τὴν ἐνταῦθα ῥωμαϊκὴν ἅπασαν γραφήν.

Итакъ, грузины, не знакомые съ греческимъ письмомъ, должны обращаться къ грузинскому и армянскому текстамъ!

---

1) У архим. Сергія, Мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 689: 1105—1112, но ср. Louis Petit, ц. с., стр. XVIII.

Для грузинъ, незнающихъ по-гречески, достаточно было бы и грузинскаго текста. Списокъ же на армянскомъ языкѣ могъ предназначаться лишь для армянъ, понятно, армянъ-халкедонитовъ, которые ввиду ихъ единовѣрія названы здѣсь грузинами за одно съ грузинами по происхожденію [1]). На первый взглядъ можетъ показаться, что при самомъ основаніи монастыря еще не удовлетворялось указанное мною требованіе, знаніе грузинскаго письма и языка, обязательное для инородца: въ числѣ братьи оказываются армяне-халкедониты, по вѣроисповѣданію называемые грузинами, нуждающіеся въ армянскомъ текстѣ устава. Но выяснено уже, что для удовлетворенія того требованія вполнѣ достаточно было знанія богослужебныхъ книгъ на грузинскомъ языкѣ, но армяне Петриц̓онской братьи, удовлетворявшіе этому требованію, болѣе того, по всей видимости, знавшіе и живой разговорный грузинскій языкъ, болѣе сильны были въ армянской грамотѣ. Въ началѣ же въ числѣ армянъ-халкедонитовъ Петриц̓онскаго монастыря, лучше владѣвшихъ армянскимъ письмомъ и во всякомъ случаѣ предпочитавшихъ пользоваться имъ, какъ болѣе привычнымъ, оказывается самъ основатель Григорій Бакуріанъ. Подпись на оффиціальномъ греческомъ текстѣ устава онъ дѣлаетъ армянскимъ письмомъ. Эта армянская подпись, издателемъ воспроизведенная по-гречески по изданію Мусеоса, гласитъ: «я, Григорій Пакуріанъ, севастъ и великій доместикъ Запада, собственноручно подписалъ настоящій типикъ священнаго моего монастыря пресвятой Богоматери Петрицонитиссы». Григорій Бакуріанъ въ заключеніи типика особо отмѣчаетъ по-гречески, что его подпись армянская: *καὶ ὑπεγράφη παρ' ἐμοῦ τε αὐτοῦ τοῦ σεβαστοῦ Γρηγορίου καὶ μεγάλου δομεστίκου τῆς δύσεως τοῦ Πακουριάνου διὰ ἀρμενικῶν γραμμάτων* [2]).

Послѣ этого нѣтъ и надобности указывать на то, что форма фамиліи Григорія на «іанъ» (Бакуріанъ) армянская, родные его носятъ

1) Ввиду τέ за Ἴβηρας въ приведенной выпискѣ мнѣ приходитъ въ голову конъектура: Ἴβηράς τε [καὶ Ἀρμενίους]. Это, конечно, еще болѣе усилило бы значеніе армянъ-халкедонитовъ въ Петриц̓онскомъ монастырѣ. У Musaeus'а, ц. с., стр. 204, это мѣсто пересказано такъ, что опущены и иверы: ἐγράφη δὲ, ὡς εἴπομεν, τὸ παρὸν τυπικὸν ῥωμαΐκόν, ἰβηρικὸν καὶ ἀρμενικόν, ἐπειδὴ καὶ οἱ καλόγηροι τοῦ μοναστηρίου δὲν ἠξεύρουν τὰ ῥωμαΐκὰ γράμματα. Вообще, было бы желательно установить болѣе критически текстъ Петриц̓онскаго типика.

2) Поразительно, что о. Louis Petit, считающій Григорія Бакуріана кровнымъ грузиномъ, не смущенъ нисколько его армянской подписью. Musaeus по крайней мѣрѣ ставитъ вопросительный знакъ (стр. 209).

армянскія или болѣе обычныя въ древнеармянскомъ быту имена, какъ напр. Абасъ, Варданъ.

Очевидно, самъ основатель грузинскаго монастыря Петрицона, халкедонитъ, былъ армянинъ по крови, по происхожденію. Безукоризненно вѣрно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Анны Комниной (Alex. II, 4 Bonnae, стр. 96), которая про Григорія Пакуріана говоритъ: ἀνὴρ δὲ οὗτος μικρὸς ἦν δέμας κατὰ τὸν ποιητὴν, πλὴν ἀλλὰ μαχητὴς, γένους λαμπροῦ ἐξ Ἀρμενίων ὁρμώμενος. Отецъ Louis Petit послѣднюю часть о блистательной армянской родовитости считаетъ неточной, такъ какъ самъ Григорій говоритъ про себя, что онъ изъ блистательнѣйшаго рода грузинъ (стр. 2: τὴν γέννησίν τε ἐκ τῶν ἐῴων ἔχοντος ἐκ τῆς τῶν Ἰβήρων παμφαεστάτης φυλῆς) [1]). Но мы теперь знаемъ, какое широкое, чисто культурное значеніе имѣетъ въ устахъ Григорія слово грузинъ: всякій армянинъ-халкедонитъ, даже все еще болѣе грамотный въ армянскомъ, чѣмъ въ грузинскомъ, по его представленію, есть грузинъ наравнѣ съ чистокровнымъ грузиномъ. Онъ грузинъ, такъ какъ онъ исповѣдывалъ по его выраженію (стр. 8), τὴν ἀληθῆ καὶ ὀρθόδοξον πίστιν τῶν χριστιανῶν κατὰ τὴν παράδοσιν τοῦ τῶν Ἰβήρων γένους. И не смотря на то, что эта «истинная и православная христіанская вѣра по преданію грузинскаго рода» во всемъ согласуется, какъ замѣчаетъ самъ Бакуріанъ (стр. 8), съ греческой, онъ все же чувствуетъ себя не грекомъ, а грузиномъ, такъ какъ происходитъ, несомнѣнно, изъ района, нѣкогда армянскаго, но къ XI-му вѣку уже обращеннаго почти вполнѣ въ грузинскій. Я имѣю въ виду области Тао и Кларджетію, въ бассейнѣ рѣки Чороха, гдѣ съ VIII-го вѣка усиливаются Артануджскіе Багратиды. Кто аборигены этого района, въ данный моментъ насъ не интересуетъ. Вѣроятно, какое нибудь лазское или мингрельское племя (лазы и мингрельцы братски родственны грузинамъ). Но въ VII-омъ вѣкѣ страна была армянской, во всякомъ случаѣ имѣла армянскій обликъ, и здѣсь процвѣтало, повидимому, армянское

1) Профессоръ Цагарели (Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской литературы III, стр. XII, примѣч.) основателей Петрицонскаго монастыря братьевъ Пакуріановъ называетъ грузинами «по словамъ византійскихъ историковъ (Анны Комниной)». Какихъ еще византійскихъ историковъ имѣетъ въ виду А. А. Цагарели, не знаю, но Анна Комнина Бакуріана производитъ, какъ видно изъ цитаты, отъ армянъ. Самъ отъ себя А. А. Цагарели далѣе дѣлаетъ догадку, что эти Пакуріаны «изъ рода князей Джан-Бакуріан-Орбеліани». Послѣднюю догадку Θ. Жорданія (Хрон., II, стр. 155) старается отстранить, но, быть можетъ, А. А. Цагарели и правъ, однако лишь въ томъ смыслѣ, что Бакуріаны и Джанбакуріаны (Орбеліаны) представляютъ развѣтвленія одного княжескаго рода.

халкедонитство. Къ этому времени относится процвѣтаніе армянскаго монастыря Ишхана, судя по грузинскому Житію Григорія Хандзтійскаго, тогда «каѳедры и соборной церкви католикоса блаженнаго Нерсеса», т. е. извѣстнаго армянскаго католикоса. Соборная церковь построена самимъ католикосомъ Нерсесомъ, но потомъ многіе годы она, по выраженію грузинскаго агіографа, была во вдовствѣ, пока на рубежѣ VIII—IX вѣковъ не реставрировалъ ее святой Саба (Сава), но уже въ качествѣ грузинскаго монастыря, вскорѣ резиденціи грузинскаго епископа. Въ эту-то эпоху и началось грузинское монастырское строительство въ Тао и Кларджетіи, судя по тому же грузинскому источнику. И здѣсь основывались монашествующіе грузины все на овдовѣвшихъ армянскихъ постройкахъ, въ большинствѣ сохранявшихъ еще армянскія имена, какъ то Ишханъ, Шатбердъ, Мидзнадзоръ и т. п. И въ ту эпоху, въ IX, даже X-мъ вѣкѣ, грузины-монахи были окружены хотя единовѣрнымъ, но все же инородческимъ армянскимъ населеніемъ и, несмотря на политическое господство грузинъ, право свое называть страну грузинской они основывали на томъ, что въ церквахъ богослуженіе происходило на грузинскомъ языкѣ[1]). Постепенно мѣстные армяне, будучи халкедонитами, денаціонализовались и становились грузинами. Въ X-мъ же вѣкѣ была еще попытка вернуть край армянамъ обращеніемъ его въ антихалкедонитство, но вардапетъ Состенесъ, взявшійся за это дѣло, не имѣлъ успѣха (Жорданія, Хроники и пр., I, 1893, стр. 125 сл.). Въ 1083-емъ году, когда основывался Петрицонскій монастырь, армяне-халкедониты этого края считали себя уже природными грузинами, хотя сохраняли еще армянскую грамотность. Въ это же время тао-кларджетскіе армяне владѣли, по всей видимости, разговорной грузинской рѣчью, которая, естественно, должна была впитать въ себя мѣстныя армянскія слова. Къ числу такихъ армянскихъ словъ, получившихъ право гражданства въ грузинскомъ языкѣ, относится «танутэр». Буквально это слово означаетъ *господинъ дома*, реально же выражаетъ

1) Позволяю это себѣ утверждать на основаніи одного мѣста все того же «Житія». Упомянувъ о «многихъ благахъ», принесенныхъ великимъ Ефремомъ, ученикомъ Григорія Хандзтійскаго, «нашей странѣ», между прочимъ и о томъ, что мνроосвященіе Ефремъ установилъ въ Грузіи (Картл-и), агіографъ поясняетъ: «Грузіею же считается обширная страна, именно (вся та), гдѣ на грузинскомъ языкѣ служатъ обѣдню и совершаютъ всякую молитву, по гречески же произносится только «киріелейсонъ», что по грузински значитъ «Господи, твори милость!» или «Господи, помилуй насъ!» (Житіе Григорія Хандзтійскаго, груз. т., гл. 43, 5—8).

тѣ понятія, обозначеніе которыхъ въ грузинскомъ вполнѣ достигается словомъ «мама-сахлиси», буквально *отецъ дома*. Однако въ грузинскомъ документѣ половины XI-го вѣка, грамотѣ Баграта IV-го, изданной впервые еще въ 1887 году Бакрадзе въ приложеніи къ Запискамъ Имп. Академіи Наукъ (LV т., № 1, стр. 20—30) и повторительно Θ. Жорданіею (ისტორიული საბუთები შიო-მღვიმის მონასტრის და ძველი ვაჭხანის ქვაბთა, Тифлисъ 1896, стр. 8—9) названы «танутэры Тао и Кларджетіи» (Д. Бакрадзе, стр. 21, 32—33=Θ. Жорданія, стр. 9, 16: ტაოისა და კლარჯეთისა ტანუტერთა), а не «мамасахлисы»[1]). Въ этой грамотѣ Баграта подтверждаются границы монастырей Опизы и Миджнадзора. Оба — грузинскіе монастыри въ Кларджетіи. Опиза въ началѣ ущелья, упирающагося справа въ рѣку Имерхевъ, притокъ Чороха; она давно извѣстна.

Что касается Миджнадзора, Бакрадзе въ цитованной статьѣ предполагалъ (стр. 29), что подъ нимъ «скрывается монастырь, нынѣ извѣстный подъ именемъ Порта или, правильнѣе, Берта». Но Порта и Берта двѣ различныя обители, и ни съ одною изъ нихъ Миджнадзоръ не отожествимъ. Точнѣе стало выясняться мѣстоположеніе Миджнадзора, гевр. Мидзнадзора, грузинскаго монастыря въ Кларджетіи, изъ Житія Григорія Хандзтійскаго, открытаго въ Іерусалимѣ. Лѣ-

1) Въ переводѣ документъ этотъ появился еще въ 1881 г. у Д. Пурцеладзе, Церковные гуджары, Тифлисъ, стр. 120—121. Изданіе Θ. Жорданіи отличается отъ изданія Бакрадзе слѣдующими разночтеніями: 8,2 მიჯნაძორელნი вм. მიჯნაძორნელნი, 2—3 მიჯნაძორელთა вм. მიჯნაძორნელთა, 12 ბადვან вм. ბავლან, 13 გულისმოდგინე вм. გულისმოდგინე, 23 ხელის вм. ხელისა, 24 განვაგე და დავამტკიცე вм. განვაგეთ და დავამტკიცეთ, 9,3 გარდავიწყედ вм. გარდავიწყედ, 20—21 მიაჯელნი вм. მიხჯელნი. Въ части этихъ разночтеній, если не во всѣхъ, превосходство, несомнѣнно, за чтеніями Бакрадзе. Во всякомъ случаѣ лишняго противъ текста Бакрадзе г. Жорданія ничего не даетъ, чтобы оправдать его замѣчаніе (стр. 8), что издаваемый имъ текстъ болѣе правиленъ и не содержитъ ни излишка, ни дефекта. Кстати, не лишне отмѣтить слѣдующій случай для характеристики пріемовъ г. Θ. Жорданіи при обсужденіи мнѣній собратьевъ по спеціальности, въ данномъ случаѣ историка Евθ. Такайшвили. Θ. Жорданія пишетъ (ისტორიული საბუთები შიო-მღვიმის მონასტრის და სხვა, Тифлисъ, 1896, стр. 9): «по мнѣнію г. Такайшвили (Сигель гр. ц. Баграта IV, стр. 67) Опизскій гуджаръ и вышенапечатанный Шіо-мгвимскій сигель такъ похожи другъ на друга по почерку, что оба должны быть написаны однимъ лицомъ». Далѣе, г. Жорданія опровергаетъ это мнѣніе будто бы г-на Такайшвили. Раскрываемъ 67-ую страницу статьи г-на Такайшвили — Сигель грузинскаго царя Баграта IV (Зап. Вост. Отд. Имп. русск. арх. общ., т. IX) и тамъ читаемъ (прим. 1): «При такомъ *различіи* орθографіи эти два текста [Опизскій гуджаръ и Шіо-мгвимскій сигель] такъ схожи по почерку, что *производятъ впечатлѣніе, какъ будто* написаны однимъ и тѣмъ-же лицомъ, хотя *послѣднее допустить трудно какъ по различію орθографіи, такъ и по нѣсколько болѣе крупному нажиму «Опизскаго акта»*.

томъ 1904 года мнѣ удалось найти и развалины этого нѣкогда весьма дѣятельнаго грузинскаго монастыря на средней части Карчхалки, праваго притока Имерхева. Любопытно, что въ грамотѣ Баграта хотя вмѣсто грузинскаго «мама-сахлис-и» находимъ армянское «танутэр-и», производное однако употреблено «самама-сахлисо» (Д. Бакрадзе, стр. 21,22=Θ. Жорданія, стр. 9,7).

То же армянское слово попадается въ одной грузинской припискѣ Четвероевангелія, IX—X-го вѣка, изъ Кальскаго монастыря въ Сванетіи. Четвероевангеліе нѣкогда принадлежало Коридетскому монастырю, который Броссе ошибочно искалъ въ Сванетіи (Note sur un manuscrit grec des quatre Évangiles, rapporté du Souaneth-Libre et appartenant au comte Panin, Mél. asiat., VI, стр. 283—284). Коридетъ лежитъ, какъ уже указалъ Бакрадзе (ц. с., стр. 26—27), въ Мургульскомъ ущельи Батумской области, т. е. въ районѣ опять таки Тао-Кларджетіи. Интересующая насъ грузинская приписка написана церковнымъ письмомъ (Броссе, ц. с., стр. 278). Въ ней встрѣчается не только «танутэр-и» (ტ̃ტრი), но и производное отъ него съ грузинскимъ суффиксомъ «танутроба» (ტანოტრ ობას). Такое усвоеніе этимъ заимствованнымъ словомъ грузинскаго образовательнаго суффикса не позднѣе самого начала XIV-го вѣка.

Лѣтомъ 1904 г. въ селѣ Тандзотѣ я нашелъ камень съ фрагментомъ грузинской надписи начала XIV-го вѣка, вдѣланный въ одну изъ наружныхъ стѣнъ мечети. Въ этой грузинской надписи оказалась таже производная форма «танутроба» (ტნჳტრობასს) занимающаго насъ слова.

Очевидно, это армянское слово стало роднымъ въ мѣстной грузинской рѣчи. Болѣе того, только въ тао-кларджетскомъ грузинскомъ языкѣ и пріобрѣло оно право гражданства. И вотъ по этому-то главнымъ образомъ и рѣшаюсь я въ настоящее время утверждать, что Григорій Бакуріанъ, основатель[1]) грузинскаго Петриц̒онскаго монастыря, былъ изъ тао-кларджетскихъ огрузинившихся армянъ-халкедонитовъ, такъ какъ въ принадлежащемъ ему типикѣ Петриц̒онскаго монастыря онъ пишетъ (гл. VI, стр. 22): κελλαρίτης, ὃς παρὰ τοῖς Ἴβηρσι τανουτέρης ὀνομάζεται[2]), единственные же грузины, у которыхъ употреблялось слово «танутэр-и», это — какъ мы теперь знаемъ — тао-кларджетцы, собственно огрузинившіеся армяне-халкедониты Тао-Кларджетіи.

1) Или возобновитель и расширитель, см. стр. 17—18.

2) G. Musaeus, стр. 178: ...κελλάρης, τὸν ὁποῖον οἱ Ἴβηρες τὸν ὀνομάζουν ταμουτέρην (sic).

Итакъ, армянинъ-халкедонитъ, огрузинившійся, основываетъ православный грузинскій монастырь съ исключительными правами въ Болгаріи, какъ подтверждается данными оффиціальнаго документа. Чѣмъ объяснить предоставленіе этой и другихъ еще привилегій, такъ главнымъ образомъ права закрывать доступъ въ монастырь грекамъ. Для такого исключительнаго права достаточно ли было однѣхъ личныхъ заслугъ Григорія Бакуріана, какъ онѣ ни были велики? Конечно, грузины въ Византійской имперіи часто располагали правомъ быть независимыми въ своихъ монастыряхъ. Но не помогали ли имъ въ утвержденіи этого права въ томъ или иномъ случаѣ какія либо особыя мѣстныя условія? Не возлагала ли, напр., имперская политика на Петриџонскій монастырь надеждъ, какъ на сотрудника въ какомъ либо наболѣвшемъ вопросѣ мѣстной жизни въ Болгаріи? Такимъ дѣйствительно наболѣвшимъ вопросомъ на мѣстѣ являлось павликіанство: «вся страна въ окружности Филиппополя въ XI-мъ столѣтіи», читаемъ въ Исторіи Болгаръ Иречка (перев. Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова, 1878, стр. 281), «была переполнена армянами, богомилами и павликіанами». Въ 970-мъ году Іоаннъ Цимисхій переселилъ павликіанъ во Ѳракію около Филиппополя, гдѣ имъ была гарантирована свобода. Впрочемъ еще Константинъ Копронимъ около половины VIII-го вѣка поселилъ здѣсь ихъ единовѣрцевъ, что послужило къ проникновенію павликіанства въ Европу и распространенію этого ученія въ ней (Gibbon, The Decline and Fall of the Roman Empire, LIV, Лондонъ въ серіи «Chandos Classics», IV, стр. 97=франц. перев., Парижъ 1839, II, стр. 563). Императоръ Алексій однако ихъ не терпѣлъ и въ этомъ краѣ. Въ 1115 году Алексій разбилъ зимнюю стоянку у Филиппополя, чтобы насильственно обратить ихъ въ православіе. Въ тоже время близъ павликіанскаго поселенія былъ основанъ «вѣрный православію и императору городъ Алексіополь». Эти чрезвычайныя мѣры Алексія объясняютъ тѣмъ, что павликіане оставили императорское знамя въ Норманнскую войну (Gibbon, ц. с., стр. 97—98=франц. перев., стр. 564; Брокгаузъ, Энцикл. словарь, подъ словомъ павликіане). Но императоръ независимо отъ этого обращался съ ними, какъ съ отвратительными еретиками, мечталъ объ ихъ опроверженіи (Gibbon, ц. с., стр. 97, прим. 5= франц. перев., стр. 564, прим. 1 втораго столбца).

И вотъ потому-то я и ставлю вопросъ: не ожидалось ли отъ нашего грузинскаго монастыря съ армянами-халкедонитами въ составѣ братьи содѣйствіе въ борьбѣ съ армянами-павликіанами? Ниже намъ

придется выслушать свидѣтельство грека того же времени о томъ, что греки, дѣйствительно, находили лучшимъ средствомъ для борьбы съ иномыслящими армянами пользоваться услугами армянъ-халкедонитовъ.

Съ другой стороны и грузины, повидимому, здѣсь, а не на родинѣ у себя и могли имѣть столкновеніе съ богомилами, если правда, какъ это теперь кажется, что въ Арменіи позднѣйшее павликіанство тяготѣетъ къ областямъ, не смежнымъ съ Грузіею. Найденный мною грузинскій текстъ О богомильской ереси относится къ этому времени. Онъ—переводъ, отчасти сокращенный, трактата Евѳимія Зигавина, и переводъ, быть можетъ, сдѣланъ въ Петрицонскомъ монастырѣ въ Болгаріи[1]). Сношенія съ Болгаріею грузинъ и армянъ-халкедонитовъ между прочимъ оставили слѣдъ въ одной грузинской легендѣ о чудѣ креста Алавердскаго Георгія Побѣдоносца съ отрокомъ, слабымъ въ грузинскомъ, такъ какъ онъ взрощенъ былъ среди армянъ[2]).

Существовали армяне-халкедониты, находившіеся въ столь же тѣсномъ общеніи непосредственно съ греками, и общеніе это болѣе архаично и было болѣе чревато послѣдствіями.

Наличіе самодѣятельной халкедонитской среды въ предѣлахъ армянской территоріи должно возбуждать особый интересъ въ византинистахъ. Изъ такой-то среды получало халкедонитское православіе въ критическія минуты ревностныхъ поборниковъ и въ Царьградѣ. «Въ Никеѣ, между Стамбул-капуси и Гѣл-капуси, въ стѣнѣ башни», извѣстной подъ названіемъ башни Артавазда, до сихъ поръ сохранилась греческая надпись съ упоминаніемъ о побѣдѣ императоровъ Льва (Исавра) и Константина (надъ арабами). Въ надписи названъ и Артаваздъ (Ἀρταβάσδος), «славнѣйшій патрицій и куропалатъ», принимавшій въ дѣлѣ подъ Никеею «личное участіе, какъ можно думать на основаніи извѣстія Ѳеоѳана (стр. 406 5)». И вотъ послѣ смерти Льва Исавра (741, resp. 740) на этого-то Артавазда, армянина, и «обращаются взоры православнаго большинства, его объявляютъ императоромъ, и онъ

1) Текстъ находится въ рп. Общества распространенія грамотности № 51, лл. 78a сл. Памятникъ сличенъ мною съ греческимъ подлинникомъ, и результаты сличенія съ извлеченіями приготовлены для печати.

2) «Этотъ крестъ святого мученика», начинается легенда начала XIII-го вѣка (Ѳ. Жорданія, Хроники, II, стр. 117), «во имя Алавердскаго архимученика (Георгія). Онъ восхитилъ изъ Гандзы [нынѣ Елизаветополь], какъ въ древности изъ Болгаріи, отрока, котораго я видѣлъ собственными глазами и который разсказалъ мнѣ про настоящее чудо, и положилъ въ Алавердѣ у дверей святого мученика» и т. д.

возстановилъ поклоненіе святымъ иконамъ» (Ѳ. И. Успенскій, Двѣ историческія надписи, Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ, III, Софія 1898, стр. 180—182 сл.). Центръ этой эллинофильствовавшей армянской халкедонитской среды лежалъ, по всей видимости, по сосѣдству съ Каппадокіею. Значеніе Каппадокіи вообще для древней христіанской церкви всѣмъ извѣстно. Но каппадокійскіе вклады въ общецерковную жизнь должны заключать въ себѣ и коекакіе блестки армянской жизни, переливавшейся въ самую Каппадокію. Изъ при-каппадокійской или каппадокійской Арменіи (Armenia Minor) происходили многіе дѣятели греческой церкви. Изъ различныхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ и ниже, выступаетъ заботливый интересъ киновіарха Ѳеодосія Великаго († 11 янв. 529) и Савы Освященнаго († 5 дек. 532) къ участи армянъ-халкедонитовъ, и объясненіе такого интереса вскрывается въ томъ, что оба святые происходили изъ Каппадокіи, Ѳеодосій изъ селенія Гарисса, а Сава — изъ Муталаски. Преемникъ Ѳеодосія «по игуменству былъ армянинъ Софроній, родомъ изъ селенія Зомери близъ Севастіи». «Іоаннъ Молчальникъ († 7 декабря послѣ 557 г.) былъ родомъ изъ Никополя въ Арменіи». Самъ Евѳимій Великій († 20 янв. 473) былъ родомъ изъ Мелитены въ Арменіи. Все это и внушило извѣстному русскому ученому мысль, что «Каппадокія и Арменія въ V и VI вв. имѣли среди палестинскаго монашества славныхъ и немалочисленныхъ представителей» и что «пересадка нѣкоторыхъ армяно-каппадокійскихъ церковныхъ установленій въ Палестину, а изъ Палестины въ Александрію, Антіохію и наконецъ въ Константинополь, поэтому, была весьма возможна» [1]).

Греко-армянскія халкедонитскія отношенія и съ точки зрѣнія арменистики представляются наиболѣе важными. Они лежатъ въ узлѣ всѣхъ какъ церковныхъ, такъ литературныхъ явленій эпохи «Sturm und Drang»'а древней Арменіи. Съ ними находится въ тѣсной связи и правильное освѣщеніе армянскихъ историческихъ сочиненій, которыми приходится пользоваться не однимъ арменистамъ. Между прочимъ

1) В. В. Болотовъ, Михайловъ день (Христ. Чтеніе, 1892, II, 620—621). Покойный ученый доказывалъ въ частности армянское происхожденіе праздника Преображенія, который, по его мнѣнію, перешелъ вѣроятно изъ Арменіи въ Каппадокію. Но этотъ примѣръ мало убѣдителенъ, какъ увидимъ, ввиду фактической обстановки дѣла, а не потому, что «сомнительно, чтобы Арменія въ этомъ дѣлѣ дала тонъ всему христіанскому міру», какъ думалъ архіеп. Сергій, малознакомый съ христіанско-культурными силами древнихъ армянъ (Полный мѣсяцесловъ Востока, 2-ое изд. 1901, II, стр. 313).

лишь съ правильнымъ разрѣшеніемъ ихъ можетъ быть установлено окончательное мнѣніе въ частности и по избитому вопросу объ историкѣ Моисеѣ Хоренскомъ. Мнѣ представляется все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что армянамъ-халкедонитамъ и обязана армянская литература, если не возникновеніемъ, то углубленіемъ и усиленіемъ эллинофильскаго теченія, что между прочимъ имъ, армянамъ-халкедонитамъ, принадлежитъ главнымъ образомъ одна крупная заслуга передъ родной письменностью, именно пересадка на армянскую почву греческой схоластики и философіи. Подлинные древніе армянскіе философы или подозрѣваются въ халкедонитствѣ, какъ напр. Іоаннъ Одзунскій, или дѣйствительно халкедониты, напр. халкедонитъ Өеодоръ, епископъ Карина (нынѣ Эрзерума), называвшійся главою философовъ (*փիլիսոփայապետն*) (см. Моисей Калакантуйскій, II, 46, изд. Эмина, стр. 212=перев. К. Патканова, стр. 214). Халкедониты въ Арменіи, повидимому, сыграли ту роль, которая въ Сиріи и Персіи усваивается обыкновенно несторіанамъ[1]). Но вся эта плодотворная для армянской умственной жизни дѣятельность армянъ-халкедонитовъ можетъ относиться къ болѣе древнимъ временамъ, когда они не чувствовали себя въ Арменіи какъ у чужихъ, считали себя армянами. По пораженіи халкедонитства на родинѣ, халкедониты-армяне, находившіеся въ особо близкихъ отношеніяхъ съ греками, стали прилѣпляться къ нимъ и обращаться въ грековъ и у себя дома они стали называться по-армянски обыкновенно «һоромъ»ами, т. е. греками или ромеями.

Армяне-халкедониты на равныхъ правахъ съ другими единовѣрцами продолжаютъ появляться въ греческихъ монастыряхъ, напр. въ числѣ раннихъ подвижниковъ Аөона встрѣчаемъ монаха Іосифа, армянина халкедонита, товарища извѣстнаго аөонскаго дѣятеля Евөимія Младшаго († 898). Василій, авторъ Житія названнаго Евөимія, отзывается о немъ съ большею симпатіею, хотя этотъ агіографъ къ армянамъ вообще относился, очевидно, съ предубѣжденіемъ[2]). Чаще

1) Впрочемъ несторіанамъ и въ этомъ отношеніи присваивается преувеличенное значеніе, такъ напр. когда несторіанская церковь провозглашается распространительницею (la dispensatrice) христіанской культуры и цивилизаціи среди народовъ передней Азіи и крайняго Востока (J. Labourt, Le christianisme dans l'empire perse, стр. 351). Изъ народностей передней Азіи грузинъ и армянъ вѣдь нельзя вычеркнуть, а между тѣмъ христіанской образованностью они далеко не обязаны несторіанству столько, сколько другимъ исповѣданіямъ.

2) Vie et office de Saint Euthyme le Jeune, texte grec publié par le R. P. Louis Petit, Paris 1904, Biblioth. hagiogr. orientale éditée par Léon Clugnet, стр. 29—30: Ἰωσήφ.... ἦν γὰρ οὐ κρυπτός τις καὶ ὕφαλος, κἂν ἀπὸ Ἀρμενίων τὸ γένος κατήγετο, ἀλλ ἀπόνηρος ἅμα καὶ ἁπλοῦς τὸν τρόπον καὶ ἄδολος, οἷον τὸν πνευματικὸν ὁ λόγος αἰνίττεται.

выступаютъ армяне-халкедониты въ Палестинѣ: такъ напр. чтобы изъ десятка случаевъ упомянуть одинъ, наименѣе извѣстный, въ Хозивѣ, судя по надгробнымъ надписямъ, въ числѣ братьи попадаются и армяне: Ἀρμένιος πρεσβύτερος (Клеопа Кикилидисъ, Τὰ κατὰ τὴν λαύραν καὶ τὸν χείμαρρον τοῦ Χουζιβᾶ κτλ., Іерусалимъ 1901, стр. 71) и Ἰωάννης μοναχὸς Ἀρμένις (sic, стр. 76)[1].

Отецъ Клеопа, авторъ работы о Хозивѣ, правильно замѣчаетъ (стр. 82), что въ этомъ православномъ монастырѣ монахи различныхъ народностей, въ томъ числѣ, конечно, и армяне-халкедониты, располагали собственными церквами и служили каждый на своемъ родномъ языкѣ. Не только въ первое время по сокрушеніи халкедонитства въ Арменіи, но и до сихъ поръ въ бассейнѣ Евфрата, въ Акнѣ, недалеко отъ Діарбекира, армяне-халкедониты сохранили родной языкъ въ богослуженіи[2]). И это не новое явленіе, традиція эта идетъ черезъ средніе вѣка. Въ концѣ XI-го вѣка Никонъ Черногорецъ даетъ любопытныя данныя объ армянахъ-халкедонитахъ, отшельникахъ цатахъ или цѣтахъ, подвизавшихся въ Сиріи на Черной горѣ.

Объ армянахъ цатахъ или ҁадахъ сообщаютъ кое-что позднѣе и армяне. Но армяне-цаты были халкедониты, а сообщаютъ о нихъ

---

1) См. теперь Пападопуло-Керамевсъ, Христіанскія надписи изъ ущелья Хузива, собранныя въ 1889 году (Сообщ. Имп. Православнаго палестинскаго общества 1903, XIV, ч. II, № 3, Спб. 1904, стр. 198 и 199).

2) Инджиджянъ, Աշխարհագրութիւն. I, 1806, стр. 303 сл. Ҁаникянъ, Հնութիւնք Ակնայ, Тифлисъ 1895, стр. 56. Въ рукахъ Инджиджяна находилась книга греческихъ церковныхъ пѣсенъ, употребляющихся у нынѣшнихъ армянъ-халкедонитовъ, переведенная въ Константинополѣ «ի շձուն», т. е., вѣроятно, «въ 580 году» армянскаго лѣтосчисленія (1081 по Р. Хр.), какъ догадывался Инджиджянъ (ц. с., стр. 305). Любопытно, что живущіе рядомъ съ армянами-халкедонитами въ Акнѣ мусульмане—отуречившіеся армяне, сохранившіе еще армянскія фамиліи (Индж., ц. м.), т. е. mutatis mutandis получается та картина, которую въ отношеніи грузинской національности представляло населеніе Тао-Кларджетіи лѣтъ двѣсти, триста тому назадъ: въ сосѣдствѣ отуречившихся грузинъ-мусульманъ продолжали еще существовать христіанско-грузинскія поселенія. Было бы интересно выяснить, принадлежали ли отуречившіеся армяне-мусульмане Акна въ свое время армянской національной церкви или армянской халкедонитской?—Я здѣсь не касаюсь взгляда Инджиджяна на халкедонитство въ старину армянъ, какъ на результатъ исключительно политическаго насилія грековъ или честолюбивыхъ происковъ отдѣльныхъ армянъ, домогавшихся почестей принятіемъ греческаго исповѣданія (ц. с., стр. 304). Этихъ тѣневыхъ явленій я не отрицаю, но въ данный моментъ меня интересуетъ искреннее добровольное увлеченіе части армянъ халкедонитствомъ, имѣющее болѣе древнія традиціи и вызванное болѣе сложными культурно-историческими причинами, чѣмъ политическій гнетъ Византіи, усилія отдѣльныхъ интригановъ или честолюбцевъ изъ армянъ.

армяне, члены уже національной армянской церкви, и они больше всего интересуются ихъ происхожденіемъ, то грѣховнымъ, то случайнымъ, а не дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.

Въ 1410 году о цатахъ-армянахъ (ծաթ հայք), армянахъ по языку, письму и происхожденію, но грекахъ по исповѣданію и по всѣмъ законамъ и во всемъ покорныхъ грекамъ, говоритъ Мхитаръ Апаранскій. Онъ называетъ ихъ цайтами (ծայթ), т е. по толкованію мхитаристовъ, недостаточными, половинчатыми, такъ какъ они будто бы были въ единеніи съ тѣми греками, также цайтами, которые слѣдовали ереси какого-то Андрея, Кесарійскаго епископа (Инджиджянъ, Աշխարհագրութիւն, I, 1806, стр. 303; Чаникянъ, Հնութիւնք Ակնայ, Тифлисъ 1895, стр. 9).

Въ XIII-мъ вѣкѣ есть попытка отстранить пережитокъ древняго армянскаго халкедонитства въ лицѣ цатовъ отъ армянъ отожествленіемъ цатовъ съ цовдеями, албанскимъ племенемъ на сѣверовостокѣ Арменіи[1]). Около 821-го года Мхитаръ Айриванкскій (изд. Эмина, стр. 54, изд. Патканова, стр. 69 = Brosset, Hist. Chron. de Mkhithar, стр. 83) пишетъ: «во дни владыки Давида священникъ Парсманъ Какальскій (Каказскій по Броссе) отдѣлилъ отъ армянъ и обратилъ въ грузинъ цовдеевъ[2]). Вотъ эти и суть цады, которые находятся теперь среди грековъ».

Быть можетъ, отожествленіе цадовъ съ цовдеями есть глосса-вставка, и Мхитару Айриванкскому не принадлежитъ. Но характерно, что стремленіе армянъ, членовъ національной церкви, представить цатовъ инородцами сказывается какъ-будто и въ памятникѣ X-го вѣка, именно въ Исторіи армянъ Ухтанеса. Ухтанесъ обѣщаетъ (I, 1, Эчміадзинъ 1871, стр. 14) въ 3-ей части своего труда изложить исторію крещенія народа, называемаго цадами. Къ сожалѣнію, эта часть исторіи Ухтанеса погибла, что, скажемъ мимоходомъ, также знаменательно[3]). Но если уже Ухтанесъ въ X-мъ вѣкѣ писалъ исторію народа, называемаго дѣйствительно «цадами», то представляется совершенной загадкой появленіе упомянутой уже глоссы о цадахъ у Мхитара, хорошо, конечно, знавшаго Исторію Ухтанеса.

1) См. Brosset, Mél. asiatiques, VI, стр. 21—22.

2) զԾովդէացիսն читай զԾովդէացիսն.

3) Броссе предполагаетъ въ Études sur l'historien arménien Oukhtanès, X-e s. (Mél. asiatiques, VI, стр. 22), что подлежащая часть рукописи была разодрана армянами-грегорянами изъ вражды къ греческому исповѣданію.

Цѣль той глоссы, напомню, представить ҵадовъ особымъ народомъ, отличнымъ отъ армянъ. Для этого автору глоссы достаточно было бы сослаться на трудъ Ухтанеса, гдѣ цаты представлялись особымъ народомъ, равнымъ по значенію грузинамъ и армянамъ, разъ имъ посвящалась цѣлая книга, хотя такого народа или племени никто не знаетъ [1]). Поэтому мнѣ кажется, что въ сочиненіи Ухтанеса рѣчь была не о ҵадахъ, а о ҵовдеяхъ [2]). Что же касается чтенія ҵадъ у Ухтанеса — будто бы названія этого народа, то при наличныхъ средствахъ его можно понять лишь, какъ новую поправку, основанную на позднѣйшей попыткѣ отожествленія ҵадовъ съ цовдеями. Эту попытку впервые встрѣчаемъ, повторяю, въ XII-мъ вѣкѣ у Мхитара Айриванкскаго.

Во всякомъ случаѣ наши ҵаты или ҵайды, халкедониты, къ албанскому племени и вообще къ сѣверо-востоку не тяготѣютъ, съ месопотамскою же народностью, если таковою признать ҵовдеевъ, ихъ пока легко отожествить географически и, пожалуй, этимологически; по существу же отожествленіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если ҵовдеи будутъ признаны чисто армянскимъ племенемъ или народностью, давно арменизованной. Дѣло въ томъ, что интересующіе насъ ҵаты — безусловно армяне, хорошо извѣстные въ южной Арменіи, смежной съ Сиріею, и въ самой Сиріи.

Какъ таковыхъ ихъ знаютъ отчасти и въ Арменіи еще въ XI—XII-мъ вѣкѣ. Павелъ Таронскій, антагонистъ армянскихъ халкедонитовъ, возражая халкедониту Өеофисту, пишетъ:

---

1) Въ армянской такъ называемой разрядной грамотѣ, Գահնամակ'ѣ, названъ и родъ Ծայթունի (Սոփերք Հայկականք, VI, стр. 36: Ծայթիունիք), но въ этого рода спискахъ мы встрѣчаемъ разнородные термины, плохо понятые, въ качествѣ княжескихъ фамилій. Такъ въ томъ же памятникѣ подъ № 61, а въ спискѣ, отпечатанномъ мною по одной эчміадзинской рукописи, подъ № 71 приводится фамилія Դաշտակալքենք (Սոփ. Հայկ., VI, стр. 35) или Դաշտակալունք (Сборники притчъ Вардана, III, стр. 58), вѣрнѣе бы Դաշտակալանք, между тѣмъ Դաշտակալան въ дѣйствительности лишь званіе, означающее «властитель Дашта» (см. Зап. Вост. Отд.).

2) Ҵовдеи по традиціонному представленію народность на сѣверо-востокѣ Арменіи. Такое мѣстоположеніе подходитъ для миссіонерской дѣятельности грузинъ, о которой сообщаетъ Мхитаръ. Довольно вѣроятно, что о такой народности писалъ и Ухтанесъ, спеціалистъ по армяно-грузинскимъ церковнымъ дѣламъ. Но, быть можетъ, ҵовдеи находились на югѣ у верхняго теченія Тигра въ предѣлахъ древней месопотамской области Забдикена (Karl Güterbock, Römisch-Armenien und die Römischen Satrapien im vierten bis sechsten Jahrhunderte, Königsberg i. Pr., 1900, стр. 6). Сирійское названіе одного острова на Тигрѣ Бэт-Завдаѣ представляетъ, повидимому, переживаніе того же географическаго термина. Тоже слово имѣемъ, по всей видимости, въ названіи области Бэт-Завдай (G. Hoffman, Auszüge aus syrischen Akten Persischer Märtyrer, стр. 23).

«Во дни патріарха Іоанна, когда онъ устроилъ соборъ въ Двинѣ и обратилъ армянъ изъ халкедонитства.... тѣ изъ нашего народа, которые были въ странѣ ромеевъ, остались тверды въ ромейскомъ исповѣданіи.... Такъ обстоитъ теперь дѣло съ ҵ̆айт̆ами...... И такъ вы, сердце Арменіи, нашли распущенную вѣру и возлюбили ее.... И теперь вы ҵ̆айт̆ы, т. е. называете себя греками, хотя вы съ армянскимъ языкомъ. Вотъ и Аротъ (Ашотъ?)—прекрасный человѣкъ, великаго и знатнаго рода и выдающійся князь, но и онъ не можетъ при всемъ своемъ могуществѣ привести къ правильной вѣрѣ эту область свиней [1])».

Возраженіе это было вызвано въ высшей степени любопытнымъ утвержденіемъ халкедонита Ѳеофиста, что «ҵ̆айт̆ы» заступили мѣсто двѣнадцати народовъ и происходятъ изъ учениковъ Саһака, Месропа и Нерсеса Великаго. Павелъ Таронскій отвергаетъ, чтобы ҵ̆айт̆ы могли быть учениками Саһака, Месропа и Нерсеса, ссылкою на то, что эти учителя уже почили, когда состоялся халкедонскій соборъ [2]). Но Ѳеофистъ тѣмъ не менѣе могъ доказывать, что ҵ̆айт̆ы-халкедониты были учениками Саһака, Месропа и Нерсеса, если у него были преданія о томъ, что халкедонитство ихъ уродилось на почвѣ, подготовленной дѣйствительной учительской дѣятельностью названныхъ отцовъ армянской церкви.

Во всякомъ случаѣ и показаніе армянина-антихалкедонита XI—XII вѣка подтверждаетъ, что ҵ̌ады были армяне-халкедониты. Этихъ армянъ-халкедонитовъ однако исторія пока знаетъ лишь въ южной Арменіи, гдѣ, какъ въ Акнѣ, какъ мы видѣли, они сохранились до нашихъ дней. Тоже самое вытекаетъ и изъ показаній Никона Черногорца.

Свѣдѣнія Никона объ этихъ халкедонитахъ изъ армянъ въ печать отчасти проникали, но они извлекались изъ сочиненія Антіохійскаго патріарха Макарія, пользовавшагося Никономъ [3]).

Подлинный, греческій текстъ Тактика Никона съ цѣнными данными о восточномъ христіанствѣ, къ сожалѣнію, не изданъ до сихъ поръ, и приходится пользоваться славянскимъ переводомъ. Славянскій текстъ Пандекта и Тактика изданъ въ Почаевѣ въ

1) Изд. Константинопольское 1752, стр. 267 по К. Теръ-Мкртичяну, Die Paulikianer, стр. 74—75.

2) Ц. м.

3) Епископъ Аствацатуръ Т. Іоаннэсянцъ, *Ժամանակագրական պատմութիւն Երուսաղեմի*. Іерус. 1890, I, стр. 97—98.

1795 г. Я пользовался рукописью Имп. Публичной библіотеки 1397-го года (П = Погодинъ № 33)[1].

У Никона Черногорца въ 35-ой главѣ находимъ три документа о «цатахъ», армянахъ халкедонитахъ: 1) копію (равное) посланія (писаніа) антіохійскаго патріарха къ іерусалимскому патріарху Евѳимію, 2) копію посланія обители св. Симеона Чудотворца къ тому же патріарху и 3) посланіе самого Никона къ отцу Герасиму, также въ Іерусалимъ. Никонъ поименно перечисляетъ эти документы въ введеніи главы (36-ой) объ иверахъ.

Въ Посланіи антіохійскаго патріарха[2]) читаемъ (П, стр. 544[1] — 545[2]):

«Нѣкоторые всячески (въсѣко) нападаютъ на нихъ (т. е. на цатовъ, армянъ), по внушенію діавола, ненавистника добра (ѿ доброненавистнаго бѣса), обличаютъ (ѡблъгоужть П, ѡблыгуют Т) какъ не православныхъ и оскорбляютъ ихъ всяческимъ образомъ. Между тѣмъ они были приняты (нж оўбо таковіи прижтни бѣхж) прежними нашими патріархами, и нѣкоторые изъ нихъ опредѣлены (оўчинени) братьею въ честной обители святого Симеона и въ другихъ монастыряхъ. Въ нихъ они служатъ и причащаются пречестныхъ таинствъ съ православными. И отъ древнихъ временъ донынѣ не возникало никакого сомнѣнія объ исповѣданіи ихъ (и ниже ѿ древнїихъ лѣ(545[2])тъ даже донинѣ въꙁниче съмнѣніе нѣкое ѡ славѣ ихъ)».

Но чтобы унять клеветническія обвиненія противъ армянъ-халкедонитовъ, этого было недостаточно. Пришлось засвидѣтельствовать передъ іерусалимскимъ патріархомъ Евѳиміемъ тоже самое о цатахъ Петру, «послѣднему мниху, пресвитеру, игумену и архимандриту честной обители, что на Дивной горѣ, святого чудотворца Симеона» (гл. 35, П, стр. 546[2]):

«Нѣкоторые по навожденію нашего врага, доброненавистника, нападаютъ на нихъ, обличаютъ (ѡблъгжжтъ П, ѡблыгаютъ Т) какъ неправославныхъ и всяческимъ образомъ огорчаютъ (ѡпечалѣж) ихъ; они же, святой владыка, были приняты (пріжтьни бѣхоу) прежними святыми старцами и святѣйшими патріархами. И нѣкоторые изъ нихъ

1) Т я отмѣчаю разночтенія, нѣкоторыя, рукописи изъ собранія «графа Ѳ. А. Толстова», нынѣ также Императорской Публичной библіотеки (F, n, II, № 41).

2) Озаглавлено оно такъ: бг҃овидѣнѣишомоу и ст҃омоу нашемꙋ вл҃цѣ, бг҃опочтеномꙋ патріархоу іер҃лмьскомоу. пришедъшеи въ андіохіа архіерее. и причьта прѣдъизмашьніи. чада и раби твои.

сопричислены (съчетани сѫ) въ братью нашей обители, о нихъ повелѣно святыми старцами, чтобы они, какъ православные, были въ сослуженіи съ нами, причащались вмѣстѣ съ нами во всемъ и водворялись съ нами[1]). И если бы они не были испытаны осторожно (ѡпасно испытали) и не оказались бы правомыслящими (правѣ мѫдръствоужще) въ православной вѣрѣ, то не принимали бы ихъ».

Происки противъ армянъ-халкедонитовъ были настолько сильны, что Никонъ счелъ себя нравственно обязаннымъ обратиться съ особымъ, болѣе обстоятельнымъ посланіемъ, къ аввѣ Герасиму въ Іерусалимѣ ѩко да прочьтетсѧ[2]) посрѣдѣ съ двема питакема[3]) патріарховѣмъ же и ѡбитѣли стго чюдотворьца сумеѡна (заглавіе 36-й главы, П, стр. 546[2]).

«Возлюбленное духовное чадо мое», пишетъ Никонъ къ аввѣ Герасиму (36 гл., П, стр. 547[1] и сл.): «я слышалъ кое отъ кого, что нѣкоторые, будучи въ невѣдѣніи, движимые сатанинскимъ побужденіемъ, оскорбляютъ словами нашихъ братьевъ, называсмыхъ цатами (глемыѧ цаты).

Никонъ говоритъ далѣе о необходимости вырвать корень сатанинскаго лукавства, клевету, во имя любви. Онъ еще разъ подтверждаетъ подлинное православіе этихъ армянъ.

«Эти братія наши, называемые цатами, гдѣ только они находятся или въ какомъ мѣстѣ ни живутъ (и въ коемъ любо живѫть мѣстѣ), вездѣ оказываются испытанными Христовой благодатью безъ изъяна въ вѣрѣ» (ѡвъсждоу испытавше ѡбрѣтохомъ ихъ блгтьѧ хвоѧ бесъ порока въ таковыхъ, въ ѩже ѡ вѣрѣ такоже и ѡ распрѣхъ и ѡ сънмицахъ, стр. 549[2], 13—23)[4]).

Но изъ попутнаго сообщенія Никона обнаруживается, что̀ могло раздражить грековъ въ этихъ единовѣрныхъ армянахъ. Именно то, что возбуждало недружелюбіе нѣкоторыхъ грековъ и къ православнымъ грузинамъ. Они сохраняли свой родной языкъ.

«Прочтя великаго отца нашего Савы», пишетъ Никонъ (550[1], 13 сл.), «найдете, что они (армяне) сожительствовали съ великимъ. И

1) и съслоужити и съпричѧщатисѧ съ нами къ всемъ ѿ стыхъ старець ѡ нѣхъ. и съвъдварѣтисѧ повелѣни бышѧ ѩко прако (546[2])славни (П, стр. 546[1]—546[2]).

2) прочтеноу будет Т.

3) посланицема Т.

4) См. еще стр. 552[1], 6—13: обаче много испытавъ еже посилѣ за братіѧ нашѧ сіѧ цаты не ѡбрѣтесѧ нигдеже ѩко ѿтоли ѿ днїи ѡвн ѩко великый ѡцъ нашихъ Θеодосіа и савы.

въ богосозданной церкви святымъ было повелѣно (въ бго създанѣи [въ блгосъзданиии Т] цркві повелѣномъ ѿ стго) пѣть имъ свой уставъ армянской рѣчью (армен(ь)скож бесѣдою пѣти оуставъ свои), а грекамъ особо пѣть (гръком'же ѡсобно пѣти). Какъ и здѣсь (у насъ армяне), братія наша, поютъ армянскою рѣчью, греки же опять особо на различныхъ клиросахъ, если не имѣютъ двухъ церквей (въ различныі же ликохъ за еже неимѣти двѣ цркви). Только трисвятую пѣснь произносятъ по-гречески, какъ это завѣщалъ св. отецъ нашъ Сава ввиду сомнѣнія и прибавленія (ради мнѣніа и прилога) Петра Валяльщика: «іеже распныся нас ради»[1]). Прочтя также еще Житіе великаго отца нашего Θеодосія, найдете, что эти (армяне) жительствовали съ нимъ и въ церкви особо армянской рѣчью пѣли свой уставъ. И нужно (довлеть П, доволѣеть Т) намъ подражать обоимъ этимъ великимъ свѣтиламъ. А что (а' еже) въ греческой церкви повелѣно было великимъ отцомъ нашимъ Савой и великимъ Θеодосіемъ входить и причащаться божественныхъ тайнъ, то это произошло (бѣ), какъ можно видѣть (ѣко видится), изъ-за оскудѣнія (ради ѡскоудѣніа) священства, такъ какъ святые отцы питали большой страхъ (ѡпасство много имѣхоу) къ священству, и иногда едва во многихъ братіяхъ (въ мнозѣ съборѣ) получали одного (пріемлѣхоу єдиного сіренникѵ имѣти) или никого (не получали), такъ какъ знали тягость и бѣду (и бѣдж) священства. И это свидѣтельствуетъ само житіе» Савы, а также начальника общежитій Пахома.

Въ защиту армянъ-халкедонитовъ Никонъ указываетъ на полезную ихъ дѣятельность, какъ полемистовъ (552², 15—553¹, 11):

«Этихъ нашихъ братьевъ, какъ только среди нихъ оказывается

1) Подлежащее мѣсто Житія св. Савы (гл. XXXII въ изданіи Cotelerius (Eccles. Graecae monumenta, Парижъ 1686, III стр. 264) цитуетъ еще Stephanus Borgia (De cruce vaticana ex dono Iustini Augusti in parasceve maioris hebdomadae publicae venerationi exhiberi solita commentarius, cui accedit ritus salutationis crucis in ecclesia Antiochena Syrorum servatus, Римъ 1779, LV сл.): Cyrillus Scythopolitanus in vita S. Sabae testatur, Armenis, qui in eiusdem S. Sabae Laura in Palaestina cum Graecis monachis versabantur, permissum fuisse, ut psalmodium et liturgiam Armenico Sermone peragerent, at Trishagium Graeca lingua canerent, ne Fullonis additamentum usurparent». Судя по подлинному тексту Житія пѣніе армянами трисвятой пѣсни по гречески было нововведеніе божественнаго старца. Введено было это послѣ того, какъ «нѣкоторые изъ нихъ (армянъ) принялись» или, какъ сказано въ славянскомъ переводѣ, «покушались произносить трисвятую пѣснь» по Петру Гнафею (Житіе св. Савы Освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ, въ древне-русскомъ переводѣ [съ греческимъ подлинникомъ] издалъ И. Помяловскій, СПбургъ 1890, стр. 152).

кто съ божественнымъ разумомъ, и доднесь отцы наши и патріархи берутъ съ Богомъ на борьбу съ врагами (тѣхъ имать съ бмъ на ѡплъченіе съпротивныхъ), когда на соборѣ возбуждается что-либо противъ армянъ еретиковъ, такъ какъ они свѣдущи въ ихъ языкѣ и писаніяхъ. И недавно еще (ꙗко же и зде) при блаженныхъ патріархахъ въ наше время случилось (бы), какъ нѣкоторые изъ нихъ, въ весьма маломъ количествѣ, на соборѣ не дали отнюдь (ѿнждъ) еретикамъ (армянамъ) и языкомъ шевельнуть или слово испустить противъ православныхъ, хотя еретиковъ армянъ было весьма много».

У Никона Черногорца имѣется свѣдѣніе и о происхожденіи цатовъ. Одна часть свѣдѣнія касается вообще наличности издревле православія среди армянъ и даетъ прямое историческое его объясненіе отчасти по извѣстному шаблону, хотя и съ новою подробностью, именно ролью святыхъ отцовъ Ѳеодосія и Савы въ очисткѣ пшеницы отъ плевелъ среди армянъ (стр. 552[1],13—552[2],14):

’егда и прѣжде стыи великыи иже въ халкидонѣ съборъ еретикы армены ѿлжчі и проклатъ начальствоужщіѧ имъ. потомже пакы тѣмъ ѡбоимъ свѣтило прдъреченымъ ѳеодосіоу же и савѣ подвизавшемсѧ. и плѣвелы ѿ чистыѧ пшеница разлжчившимъ. и православнымъ симъ братіамъ нашимъ и подобнымъ ихъ оставшимъ, и съединненомъ къ съборнѣ (552[2]) и црькви съ православными. и не ѡбрѣтесѧ нигде же ꙗко ѿ толи съгрѣшишѧ въ каковѣ любо вещи. или понѣ въ распрѣ, или въ сънмицахъ. ꙗко же нѣціи ѿ нашіхъ многажди пострадашѧ. иже изначала ѿ бжтъвныхъ ѿць добрѣначенше. послѣжде въ распрѣ и сънмица оувратишѧ:

Гораздо цѣннѣе сообщеніе Никона о ближайшемъ прошломъ подвизавшихся на Черной горѣ армянъ-халкедонитовъ (стр. 549,23—550[1],13):

«Митрополитъ ихъ въ предѣлѣ и въ странѣ Месопотаміи (ибо митрополитъ прѣдѣла ихъ и страны межорѣчіа), гдѣ они и живутъ отъ прежнихъ лѣтъ (ѿ пръвыихъ лѣтъ). Но изъ-за нашествія языческихъ народовъ нѣкоторые изъ нихъ разсѣялись (расточени бышѧ) въ различныя страны. Митрополитъ ихъ (нж ѡбаче ꙗкоже рѣхъ митрополитъ ихъ) поставляется антіохійскимъ патріархомъ, такъ какъ это престолъ всего Востока. И священство ихъ и все ихъ ставленіе (и все съставленіе ихъ) законно и правильно выше всякаго зазора благодатью Христа».

Месопотамское мѣстопребываніе армянъ-халкедонитовъ, называв-

шихся «цат»ами или «ц̓ад»ами [1]), resp. «ц̓айт»ами или «ц̓ай̓т»ами и «ц̓айд»ами, приводитъ насъ къ третьей изъ группъ, на которыя распались по потерѣ почвы на родинѣ армяне-халкедониты. Это армяне-халкедониты, примкнувшіе къ халкедонитамъ сирійцамъ. Изъ месопотамскихъ халкедонитовъ были, очевидно, упоминаемые въ хозивскихъ надгробныхъ надписяхъ Маркелъ Месопотамецъ и Илья Месопотамецъ (Клеопа, ц. с., стр. 75, Пападопуло-Керамевсъ, ц. с., стр. 219, 93 и 220). О связи армянскаго халкедонитства съ месопотамскимъ свидѣтельствуетъ извѣстная миссіонерская поѣздка Ѳеодора Абукуры, Харанскаго епископа, въ Арменію.

Любопытно также одно неиспользованное еще свѣдѣніе о халкедонитахъ въ Арменіи. Въ сирійскомъ текстѣ Исторіи Іоанна Ефесскаго, въ главѣ о затворникахъ Симеонѣ и Сергіи, монофизитахъ, разсказывается (Land, Anecdota Syriaca, II, стр. 57 = лат. перев., Van Douwen et Land, Ioannis etc., стр. 38), что на Сергія халкедониты «наложили кандалы» и «отправили его въ обитель монаховъ въ Арменіи, называемую А-т̓-рйзъ. Было бы лучше для христиніанина быть заключеннымъ въ яму подъ домомъ узниковъ, но не тамъ. Кого отправляли туда, тотъ предоставлялся полному отчаянію. По безграничной злой жестокости вели того, кто ссылался, къ нимъ, такъ какъ они (армяне) были очень ревностны въ еретическихъ мысляхъ (халкедонитства) и считали праведностью истязать вѣрующихъ, палачами выступали ихъ не одинъ или два или сто, а каждый изъ нихъ по очереди тащилъ его съ своей стороны и истязалъ, было же ихъ около трехсотъ».

Почему армяне-халкедониты, о которыхъ говоритъ Никонъ, назывались цатами или ц̓ай̓тами, неизвѣстно. Мысль объ этническомъ происхожденіи названія въ связи съ месопотамскою народностью ц̓овдеями, можетъ быть, и дастъ, какъ было оговорено, какой либо положительный результатъ, но мало обѣщаетъ его армянская этимологія, за которую стоитъ и о. Карапетъ Теръ-Мкртичянъ (ц. с., стр. 77), будто это армянское слово ծայթ *недостаточный*, *половинчатый*, данное въ насмѣшку армянами-антихалкедонитами армянамъ-халкедонитамъ. Во-первыхъ, само существованіе такого армянскаго слова еще не доказано: мхитаристы въ Словарѣ даютъ это слово съ указаннымъ

1) ѡ҆ дх҃овный нашихъ братіяхъ гл҃емы́ цáти (заглавіе 35-й главы, II, стр. 544[1]), сѫщжж братіа наша гл҃емыѧ цáты (36 гл., II, стр. 547[1]).

толкованіемъ на основаніи цитатъ, въ которыхъ оно употреблено въ значеніи именно названія нашихъ халкедонитовъ [1]). Во-вторыхъ, трудно себѣ представить, чтобы армяне-халкедониты приняли названіе, данное имъ въ насмѣшку армянами-антихалкедонитами, между тѣмъ на Черной Горѣ они сами такъ называли себя, разъ такъ называютъ ихъ и дружественные имъ греки.

Наконецъ, надо принять во вниманіе, что въ Тактикѣ Никона Черногорца цаты являются подвижниками-пустынниками. Въ соборномъ посланіи антіохійскаго патріарха къ іерусалимскому Евѳимію о цатахъ, армянахъ-халкедонитахъ, говорится какъ объ отшельникахъ Черной Горы: слышахѡ бо ꙗко цѣтомъ [2]) арменомъ нѣкымъ рекше ѡшелникѡ [3]) арменскыꙗ слоужбы. тоу сътворше жилище и безъмлъвствовати [4]) тоу произволивше (стр. 545[1]).

Точно также и архимандритъ Петръ, игуменъ обители св. Симеона на Дивной горѣ, въ Посланіи къ тому же іерусалимскому патріарху цатовъ характеризуетъ какъ отшельниковъ: слышаніе нѣкое приде въ наша слоухы о тоу сѫщихъ ѡшелникѡ цатохъ [5]). тоу нѣгде жилище сътворшимъ и безъмлъвствовати произволіевшимъ (гл. 35, П, стр. 546[1]).

И возможно, что названіе «ц̓ад» resp. «ц̓айд» эти армяне-халкедониты носили въ качествѣ отшельниковъ [6]).

---

1) Въ матеріалахъ подъ этимъ словомъ мхитаристы припутали еще и терминъ Ծայդանացիք ц̓айданаци-к̓. Послѣдній этимологически долженъ означать сидонца. Въ древнихъ армянскихъ текстахъ, переводахъ съ сирійскаго, Сидонъ называется Цайданъ, resp. Цайдонъ (ܨܝܕܢ) по-сирійски. Но въ армянскомъ «ц̓айданаци» употребляется въ значеніи названія какихъ то еретиковъ. Быть можетъ, тутъ имѣемъ дѣло съ ошибочною подмѣною «ц̓айданаци» вм. «дайц̓анаци», что будетъ означать дайцанитовъ (ܕܝܨܢܝܐ) или бардсзанитовъ. Во всякомъ случаѣ отъ нашихъ цайтовъ все это очень далеко.

2) цатомъ Т.

3) Ѡшелником Т.

4) безмолъствовати Т.

5) о ту сущих ошелникох цатох Т.

6) Потому я думалъ-было объяснить этотъ армянскій терминъ сирійскою этимологіею въ связи съ глаголомъ ܨܕܐ *былъ отшельникомъ*. Во время доклада проф. В. Д. Смирновъ подсказалъ возможность сопоставленія его съ арабскимъ زاهد zāhid *отшельникъ*. Такъ какъ «з» въ армянскомъ нерѣдко чередуется съ «ц̓», напр. марзпан и марц̓пан, а h въ устной рѣчи исчезаетъ, то фонетическихъ затрудненій нѣтъ для признанія въ немъ «ц̓айд». Но все же раньше принятія какой-либо этимологіи желательно окончательно установить реальное значеніе слова. Если реальное его значеніе окажется «халкедонитъ» или «имперскій» (византійскій) по вѣроисповѣданію христіанинъ, то надо искать иного объясненія для термина.

Какъ халкедониты, армяне, общавшіеся съ халкедонитами-сирійцами въ Месопотаміи, во всякомъ случаѣ могли называться лишь мелькитами. Названіе «мелькиты» если не раньше, то въ X-мъ вѣкѣ было извѣстно и на сѣверѣ, вдали отъ Сиріи. Грузинскій католикосъ Арсеній, X-го вѣка, сообщаетъ (Ѳ. Жорданія, Хрон., I, стр. 315—316), что персидскій царь Перозъ предлагалъ армянамъ или «избрать любое исповѣданіе сирійцевъ кромѣ исповѣданія мелькитовъ (მელქიტასა), что по религіи греки, или оставить родную страну».

Въ самой Арменіи халкедониты-армяне, по всей видимости, имѣли съ начала же опредѣленное территоріальное расположеніе. Извѣстныя области, болѣе всего въ сферѣ византійскаго политическаго и культурнаго вліянія, могли состоять въ подавляющемъ большинствѣ или даже сплошь изъ халкедонитовъ. Проводниками этого вліянія были однако не только греки, но и сирійцы-халкедониты и грузины, цѣликомъ примкнувшіе къ халкедонитству.

Въ трехъ указанныхъ направленіяхъ и отхлынули армяне-халкедониты отъ своихъ братьевъ по крови, когда дѣло ихъ на родинѣ было проиграно, но отхлынули, повидимому, не всѣ. Въ коренной, даже въ центральной Арменіи долго еще держались армяне-халкедониты, они не переводились тамъ и позднѣе, послѣ полнаго сформированія національной армянской церкви.

Когда государства съ халкедонскимъ православіемъ овладѣвали Арменіею, были ли то греки или грузины, армяне-халкедониты, понятно, могли усилиться въ значеніи. Конечно, со временемъ придется выяснять, насколько армяне-халкедониты позднѣйшей поры, XII—XIII-го вѣковъ, сохраняли черты мѣстнаго армянскаго же халкедонитства, являлись продолжателями традицій древнихъ армянъ-халкедонитовъ, или насколько, наоборотъ, ряды ихъ пополнялись новыми членами, по той или иной причинѣ отпадавшими отъ армянской національной церкви. Несомнѣнно, что случаи такого отпаденія, для насъ менѣе интереснаго, бывали, быть можетъ, и значительные. При спаларѣ Захаріи и атабегѣ Иванэ въ эпоху господства грузинъ на соборахъ армянской національной церкви преданы были проклятію «всѣ единомышленники грузинъ и грековъ» въ церковномъ дѣлѣ (Ст. Орбелянъ, II, изд. Шаһн., стр. 203). Очевидно, въ виду имѣются единомышленники не изъ армянъ-халкедонитовъ, которыхъ и не считали тогда за армянъ, а — изъ армянъ, членовъ національной церкви. Но пока достаточно и того, что наличность армянъ-халкедонитовъ и въ

это время должна быть признана, при томъ въ значительныхъ размѣрахъ. На грузинскомъ языкѣ сохранился документъ, изданный впервые Бакрадзе (Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, СПб. 1878, стр. 81). Это списокъ епископовъ или пастырей, конечно, халкедонитскихъ, которые были подчинены грузинскому католикосу. Въ числѣ ихъ имѣются епархіи, расположенныя во внутреннихъ областяхъ Арменіи, такъ Анійская, Карсская и Алашкертская съ указаніемъ предѣловъ каждой. Въ этихъ предѣлахъ встрѣчаются и теперь кое-гдѣ развалины грузинскихъ церквей, точнѣе монастырей, но лишь кое-гдѣ. По-этому нельзя успокаивать себя предположеніемъ, что будто эти халкедонитскія епархіи могли существовать исключительно для грузинъ. Грузинское населеніе въ этихъ краяхъ едва-ли было вообще, и во всякомъ случаѣ его не было въ такомъ количествѣ. Халкедонитскія епархіи въ самой Арменіи, приходится думать, прежде всего состояли изъ армянъ халкедонитовъ. Армяне-халкедониты имѣли церкви, несомнѣнно, и въ городѣ Ани. Такъ, расписанная церковь Григорія Просвѣтителя на склонѣ къ Ахуряну съ греческими и грузинскими надписями на штукатуркѣ была построена армяниномъ-халкедонитомъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ армянская надпись 1215-го года строителя Тиграна родомъ hОненца, высѣченная на камняхъ южной стѣны, съ упоминаніемъ объ украшеніи храма иконами, при чемъ иконы названы православнымъ грузинскимъ терминомъ «хат»-и (խատ-երով[1]). Членомъ тогда уже національной армянской церкви Тигранъ hОненцъ не могъ быть. Католикосъ Ваhанъ за попытку ввести «грузинскія», т. е. халкедонитскія иконы въ армянскую церковь лишился католикосскаго сана и былъ вынужденъ бѣжать въ Васпураканъ въ X-мъ вѣкѣ.

Армяне-халкедониты и въ Арменіи стали называться смотря по иноземной національности, къ которой они прикрѣплялись. Когда Иванэ Долгорукій перешелъ въ халкедонитство, то про него говорили, что онъ сдѣлался грузиномъ. Часто, конечно, названіе одной группы халкедонитовъ присваивалось другой. Самымъ характернымъ является въ этомъ отношеніи употребленіе слова hором *ромей* или *грекъ* въ датѣ построенія Анійскаго собора. Армянская надпись о по-

---

1) Слово «хат» употребляетъ въ значеніи иконы и армянскій историкъ Степанъ Орбелянъ (изд. Шаhн., II, стр. 126, 2), но здѣсь рѣчь однако о грузинскомъ царѣ Давидѣ, который ставитъ великую икону («хат»), крестъ животворящій и Евангеліе, предлагая поклясться грузинскимъ князьямъ.

строенія начинается датировкою: «450-го года армянскаго лѣтосчисленія и 219-го года [1]) лѣтосчисленія грековъ (Հոռոմոց)». До сихъ поръ не опредѣлено, что это за греческая эра, между тѣмъ подъ греками здѣсь подразумѣваются грузины, какъ халкедониты: 219-ый годъ грузинскаго лѣтосчисленія совершенно соотвѣтствуетъ армянской датѣ 450, именно 1000-му году по Р. Хр.

Неудачи, естественно, заставляли многихъ армянъ-халкедонитовъ отливать изъ Арменіи къ родственнымъ единовѣрнымъ группамъ. Если и эту единовѣрную группу постигали невзгоды, и она разсѣивалась въ различныя страны, какъ напр. случилось, по свидѣтельству Никона Черногорца, съ месопотамскими халкедонитами, то и входившіе въ нее армяне-халкедониты раздѣляли ея судьбу. И вообще-то мы уже знаемъ, что одни армяне-халкедониты шли съ грузинами далеко на западъ — въ Болгарію, другіе съ греками въ Палестину, третьи, общавшіеся съ сирійцами, могли потянуться съ ними въ иную дальнюю страну. Быть можетъ, отторванные отъ родной почвы армяне-халкедониты устремлялись также въ Римъ и вообще къ католической церкви. Было бы интересно знать, не являются ли первыми армянами, соединявшимися съ католиками, халкедониты. Несомнѣнно одно, что само халкедонитство сближало ихъ съ римской церковью несравненно болѣе, чѣмъ яковитовъ, несторіанъ и даже членовъ армянской національной церкви, безусловно антихалкедонитской.

Все сказанное мнѣ казалось нужнымъ сообщить прежде, чѣмъ попытаться дать объясненіе монгольскому названію христіанъ «ар̔каунъ» или «эркеунъ». Еще въ 1872 году В. В. Григорьевъ въ дополненіяхъ къ статьѣ А. А. Бобровникова «Граматы вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана» (Труды Вост. отд. Имп. русс. археол. общества, ч. XVI, стр. 24) писалъ: «эркэутъ разсматриваемой грамоты, ровно какъ и грамоты Буянту-хана, есть множественное монгольское число отъ единственнаго эркэунъ, а это — названіе, подъ которымъ извѣстны были у Монголовъ «христіяне», сначала—ближайшіе къ нимъ несторіанскаго исповѣданія, а потомъ — всѣ вообще. На это имѣется несомнѣнное свидѣтельство армянскаго писателя XIII вѣка, Степана Орбеліана, который, говоря объ императорѣ монгольскомъ Мангу-ханѣ, что государь этотъ любилъ христіанъ, замѣчаетъ: «а христіанъ мон-

1) Алишанъ, Շիր. 67. Brosset, Les ruines d'Ani стр. 23 сл. (ср. таблицу № XLII, повторенную у Алишана, ц. с., стр. 71).

голы зовутъ Архаюнъ» (см. Сэнъ-Мартэна: Mémoires sur l'Arménie, II, 133)».

Грамоты эти, одна, Дарма-баловой, 1309-го года, другая, Буянту-хана, 1314-го года (ц. с., стр. 7). Григорьевъ привелъ еще два свидѣтельства объ эркэунахъ, оба изъ «Исторіи Юаньской Династіи» (ц. с., стр. 25): въ одномъ мѣстѣ говорится, «что «въ 1272 году указомъ императорскимъ предписано было, чтобы духовные изъ буддистовъ, дао-сы и эркэуновъ (ye-li-ko-wan), оставившіе безбрачіе и не соблюдавшіе болѣе религіозныхъ обязанностей своихъ, должны были считаться наравнѣ съ (простымъ) народомъ» (т. е. платить подати и нести повинности), въ другомъ — что «въ 1282 году новымъ указомъ подтверждено было, что духовные буддійскіе, даоскіе и эркэунскіе, въ Хо-си, которые обзавелись женами и дѣтьми, подлежатъ уплатѣ податей наравнѣ съ (простымъ) народомъ».

Въ работѣ «Notes d'épigraphie mongole-chinoise» (Journ. As., 1896, VIII, стр. 403—416) Devéria собралъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ аркаунахъ изъ императорскихъ указовъ. Указы эти относятся къ годамъ 1264 (два), 1270, 1276, 1282 (три), 1292, 1309, 1312 и 1314. Данныя послѣдняго указа намъ уже извѣстны изъ статьи Григорьева. Во всѣхъ ихъ говорится о сложеніи съ аркауновъ или, наоборотъ, наложеніи на нихъ тѣхъ или другихъ повинностей и налоговъ. Очень часто въ этихъ указахъ рѣчь идетъ о духовныхъ лицахъ, въ частности о христіанскихъ (аркаунъ) духовныхъ лицахъ. Но Devéria вездѣ предупредительно ставитъ въ скобкахъ при словѣ «аркаунъ» «prêtres chrétiens». Изъ контекста обыкновенно, дѣйствительно, ясно, что рѣчь о духовныхъ лицахъ, быть можетъ, священникахъ, а, пожалуй, и іеромонахахъ, и появленіе «аркаунъ» указываетъ, повидимому, лишь на христіанское исповѣданіе. Но Devéria неукоснительно сопровождаетъ «Arkaon» каждаго указа словами «христіанскіе священники», чтобы подготовить читателя для имѣющагося у него этимологическаго объясненія. Онъ преподноситъ эту глоссу и въ такихъ случаяхъ, гдѣ едва ли рѣчь непремѣнно о священникахъ, напр. въ древнѣйшемъ изъ указовъ съ нашимъ словомъ, именно 1262-го года, говорится о наборѣ для военной службы людей, способныхъ носить оружіе, въ семьяхъ мусульманъ, уйгуровъ, аркауновъ, данишмендовъ. «Данишмендъ» на персидскомъ, дѣйствительно, названіе ученаго, въ частности мулы, быть можетъ, таково его значеніе и въ императорскихъ указахъ, но это еще не обязываетъ и въ аркау-

нахъ, стоящихъ рядомъ съ мусульманами и уйгурами вообще, видѣть опять христіанскихъ священниковъ.

Самъ Devéria приводитъ (ц. с., стр. 407, прим. 2) изъ китайскаго же памятника, составленнаго въ царствованіе Чи-Хуна (1330—1332), сокращенный текстъ одной памятной надписи, гдѣ сказано ясно, что «Arkaon est le nom d'une religion....».

Самое позднее употребленіе интересующаго насъ слова у китайцевъ относится къ 1329-му году, по указанію E. H. Parker'a (China Review, XXIV, стр. 157, см. также H. Cordier, ц. с., стр. 291): «Девятая луна 1329-го года. Приказано отправленіе буддистскихъ службъ уйгурскими священниками и христіанами (Yelikaun)».

Наличность аркауна со значеніемъ христіанина въ монгольскомъ свидѣтельствуется также и въ передней Азіи, прежде всего глоссаріемъ араба-филолога, изданнымъ Пл. М. Меліоранскимъ (Зап. Вост. Отд., XV, стр. 75, 17 и 121). По мнѣнію ученаго издателя (ц. с., стр. 155), памятникъ этотъ «написанъ вѣроятно въ сѣверозападной Персіи въ эпоху Хулагидовъ» [1256—1344].

На персидскомъ объясненіе его встрѣчается и у Рашид-Еддина, какъ отмѣтилъ еще St. Martin (Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, 1819, II, стр. 280, прим. 16).

Извѣстенъ тотъ же монгольскій терминъ аркаунъ и изъ Та'рӣхи Джаһāн Кушāй, еще по цитатѣ у D'Ohsson'a, Histoire des mongols, Amsterdam 1852, II, стр. 264, прим. 1: «Arcaoun». Алаи-Еддинъ, авторъ этой персидской исторіи, говоритъ подъ 1252-мъ годомъ, что монголы называютъ христіанъ «аркāун»омъ. Въ поясненіе этого термина часто приводится еще тотъ случай, когда Хулагу осадилъ Багдадъ и послалъ письмо судьямъ, шейхамъ, ученымъ и аркаунамъ, обѣщая имъ пощаду (Г. Н. Потанинъ, Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія, СПб. 1893, т. II, стр. 347).

Цитата, приводимая Григорьевымъ по С. Мартену [1]) изъ

---

1) Лишь изъ цитованной выше книги St.-Martin'a знаетъ наличность этого слова въ армянской литературѣ и Henri Cordier, новѣйшій издатель путешествія Марко Поло (The Book of Ser Marco Polo, Лондонъ 1903, т. I, стр. 290, прим. 1). О. Палладій зналъ о наличности этого слова и въ полномъ трудѣ «Степана, равно историка Вардана, но различалъ три армянскія формы: «архаунъ» у Вардана, «аркаунъ» у Степана и «архаіонъ» (ark'ha-ioun) въ Исторіи Орбеліановъ (Г. Н. Потанинъ, Тангутско-Тибетская окраина Монголіи, II, стр. 347). Очевидно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе тремя различными европейскими транскрипціями.

Степана Орбеляна (II, 66 гл., изд. Шаhназаряна, Парижъ 1859, стр. 154 = изд. Эмина, Москва 1861, стр. 292), буквально гласитъ: Мангу-ханъ «очень любилъ христіанъ, которыхъ звали *и аркаунами*, (разночт.: аркайунами).»

Степанъ Орбелянъ упоминаетъ это слово, по видимому, въ значеніи вообще христіанина и въ другомъ мѣстѣ (S. Martin, Mémoir., II, стр. 134 = изд. Шаhназаряна, Парижъ 1859, II, стр. 155 = изд. Эмина, Москва, 1861, стр. 299—300, ср. Н. Марръ, Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ, № 5), гдѣ приводятся слова Мангу-хана о Смбатѣ Орбелянѣ: «этого одного аркауна сохранимъ мы для себя и никому другому не дадимъ господствовать надъ нимъ»[1]).

Смбатъ былъ владѣтельный князь, свѣтское лицо, съ прекраснымъ образованіемъ. Онъ зналъ пять языковъ: армянскій, грузинскій, уйгурскій, персидскій и монгольскій.

Употребляетъ это слово, по всей видимости, въ значеніи вообще всѣхъ христіанъ и армянскій историкъ XIII-го вѣка Варданъ (изд. мхит., Венеція 1862, стр. 156 = изд. Эмина, Москва 1861, стр. 205 = перев. Эмина, Москва 1861, стр. 191): «когда Хулагу увидѣлъ насъ», пишетъ Варданъ, путешествовавшій къ монгольскому двору, то не далъ намъ преклонить колѣна (ծռբել) и бить челомъ по ихъ обычаю, какъ бы говоря, что «аркайуны» поклоняются только Богу».

«Аркауны» появляются нѣсколько разъ у Вардана въ описаніи того же свиданія историка съ Хулагу (изд. мхит., стр. 158 = изд. Эмина, 207 = перев. Эмина, стр. 193).

«Я сказалъ: «сколько ни есть христіанъ и аркауновъ на морѣ и на сушѣ, сердца всѣхъ ихъ расположены къ тебѣ, и всѣ они молятся о тебѣ». Онъ изволилъ сказать: «вѣрю, что это такъ, но аркауны не находятся на Божьемъ пути, и какія они будутъ творить молитвы обо мнѣ? А если будутъ, то Богъ никогда не услышитъ ихъ. Развѣ аркаунъ сведетъ Бога съ небесъ на землю? Не сведетъ. Скажи имъ, чтобы они пребывали въ Божьемъ пути и творили молитвы».

Я здѣсь не вхожу въ разсмотрѣніе, съ дѣйствительною ли бесѣдою имѣемъ мы здѣсь дѣло или сочиненною историкомъ въ назидательныхъ цѣляхъ, для обличенія современныхъ христіанъ устами монгольскаго хана. Для насъ достаточно, что «аркаунъ» употребляется у Вардана въ значеніи *христіанина*. Разъ въ самомъ началѣ «христіанинъ» и

---

1) См. также ц. с., II, изд. Шаhназаряна, стр. 159.

«аркаунъ» стоятъ вмѣстѣ, какъ синонимы: это обычное явленіе въ армянскомъ синтаксисѣ, именно постановка двухъ синонимовъ для выраженія одного и того же понятія [1]).

Армянскіе историки вовсе не говорятъ, что терминъ аркаунъ собственно означалъ несторіанъ, какъ можно заключить изъ словъ Григорьева, да какъ давно старались установить ученые и на Западѣ, напр. Pauthier, въ цитованной ниже статьѣ о попѣ Іоаннѣ [2]).

Изъ ихъ показаній видно, что такъ называли монголы вообще христіанъ, но этимологическаго значенія слова они не даютъ, потому ли, что сами его не знаютъ, или потому, что оно, быть можетъ, было и безъ объясненія понятно современнымъ армянамъ.

Но, по признанію монголистовъ, монгольской этимологіи этого слова не существуетъ. Въ монгольскомъ оно заимствовано [3]). Заимствовано

1) Казалось бы, что въ данномъ отрывкѣ «аркаунъ» можно толковать въ значеніи вардапета, кѣмъ былъ и Варданъ, т. е. учителя церкви, но этому мѣшаетъ контекстъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа явствуетъ, что ханъ и не зналъ о званіи собесѣдника, когда онъ говорилъ съ Варданомъ объ аркаунахъ.

2) Тоже мнѣніе склоненъ подсказать намъ и теперь еще Henri Cordier (The Book of Ser Marco Polo, I, стр. 290, прим. 1). Отожествляя китайское *Yelikhawen* съ *Arkhaun*'омъ, онъ пишетъ: «we may hazard the suggestion that *Marha*, *Siliepan* and *Yelikhawen* meant respectively the Armenian, Syrian, or Jakobite, and Nestorian Churches». Именно потому, что такъ много заняты дошедшіе до насъ памятники несторіанами, ученымъ слѣдовало бы, мнѣ думается, быть особенно осторожными и не присваивать всего христіанскаго въ этихъ краяхъ однимъ несторіанамъ только потому, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ источниковъ мы успѣли составить себѣ высокое мнѣніе, быть можетъ, преувеличенное о дѣятельности несторіанъ. Во всякомъ случаѣ представляется поразительной стремительность, съ которою Charles-Eudes Bonin признаетъ рѣшительно несторіанами христіанскихъ священниковъ императорскаго указа 1276-го года, разъ они женаты: «Ces prêtres mariés sont sûrement des Nestoriens» (Journ. As., 1900, XV, стр. 588).

3) Извѣстный путешественникъ Г. Н. Потанинъ пытался объяснить терминъ на монгольской почвѣ, сближая его съ именемъ монгольскаго сказочнаго героя «Эрхемергенъ», равно съ именемъ брата Ванъ-хана «Эрке-хара», встрѣчающемся въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, и т. п. Основываясь на нѣкоторыхъ сказаніяхъ, онъ приходитъ къ предположенію, что архэ (ирихэ, Арахы?) былъ центромъ особаго, можетъ быть, до-буддійскаго культа и героемъ нѣкоторыхъ легендъ» и въ связи съ этимъ дѣлаетъ заключеніе, что это имѣвшееся въ оборотѣ имя «Эрхе» было подставлено взамѣнъ Христа, отецъ же Палладій думаетъ, что «монголы передѣлали имя Христа въ Эркэ» и подъ именами эркэунъ или эркэгутъ слѣдуетъ разумѣть «людей Христа» (Тангутско-Тибетская окраина Монголіи, II, стр. 346—347, ср. стр. 135). Г. Н. Потанинъ сюда же привлекаетъ по недоразумѣнію и аргуновъ Марко-Поло, какъ показано ниже, не имѣющихъ реально ничего общаго съ эркэунами или аркаунами. Очевидно, монголисты не располагаютъ матеріалами монгольскаго языка для убѣдительнаго объясненія интересующаго насъ христіанскаго термина. Знакомствомъ съ положеніемъ вопроса въ чуждой мнѣ области я обязанъ ученымъ коллегамъ В. Л. Котвичу и А. Д. Рудневу, равно китаисту П. С. Попову, за что и приношу имъ здѣсь искреннюю благодарность.

однако не отъ сирійцевъ, во всякомъ случаѣ не отъ извѣстныхъ намъ сирійцевъ: сирійскимъ матеріаломъ его не удается истолковать. Но рядомъ съ сирійцами въ Средней Азіи существовали и армяне.

Въ монгольскую эпоху армяне оказываются обосновавшимися съ семьями даже въ далекомъ Китаѣ.

Изъ письма минорита Андрея отъ 1326-го года узнаемъ, что одна богатая армянка въ это время въ Кантонѣ построила большую, красивую церковь, повидимому, приходскую, но тутъ въ дѣло втерлись католическіе миссіонеры[1]).

Каталанская карта 1375-года давно свидѣтельствуетъ, что у армянъ былъ монастырь у Исыкъ-куля.

Армяне эти, повидимому, не составляли обособленной отъ сирійцевъ церкви: 1) единственная пока, свидѣтельствующая объ армянахъ и дошедшая до насъ надпись изъ этого края, 1323-го года, двуязычна, на армянскомъ и сирійскомъ языкахъ (см. Зап. Вост. Отд., т. VIII, стр. 344—349), 2) въ самихъ сирійскихъ, такъ называемыхъ несторіанскихъ надписяхъ встрѣчаются имена въ армянской формѣ, напр. Погосъ (см. Н. Марръ, ц. с., стр. 348).

Палеографическое изученіе армянской надписи обнаружило въ ней одну весьма рѣдкую архаическую черту (ц. с., стр. 345—346), и письмо ея можетъ быть повтореніемъ древняго типа, занесеннаго въ Семирѣчіе въ раннюю эпоху.

Такъ какъ миссіонеры шли по торговымъ путямъ, то естественно

---

1) Le Quien, Oriens Christ. III, 1358. Здѣсь Кантонъ, собственно Kuang tong, написано по ошибкѣ Cayton (см. Neumann, Versuch einer Geschichte d. Arm. Liter., стр. VII). Латинскій текстъ письма по Le Quien'у гласитъ: «... Est quaedam magna civitas juxta mare oceanum, quae vocatur lingua persica Cayton, in qua civitate una dives domina Armena ecclesiam erexit praeclaram satis et grandem, quam quidem de ipsius voluntate per archiepiscopum in cathedralem erectam cum competentibus dotibus, fratri *Gerardo* episcopo et fratribus qui cum eo erant donavit in vita et in morte reliquit; qui primus eamdem cathedram suscepit. Mortuo autem dicto episcopo, ibique sepulto, voluit archiepiscopus in eadem ecclesia me facere successorem; sed huiusmodi locationi et successioni me non praebente assensum, ipsam contulit fratri *Peregrino* episcopo memorato qui illuc, habita opportunitate, se contulit et postquam paucis annis rexit eamdem, anno Domini 1322. in crastino octavae Apostolorum Petri et Pauli (die 7 jul.) diem clausit extremum....

«Denique non longo elapso tempore post obitum fratris Peregrini, recepi decretum archiepiscopi de locatione nostra in memorata ecclesia cathedrali, cuius locationi assensum praebui, causa rationali suadente: et nunc in loco vel ecclesia civitatis, nunc in eremitorio moram facio juxta meae libitum voluntatis etc. Sane in isto vasto imperio sunt gentes de omni natione quae sub coelo est, et de omni secta, et conceditur omnibus et singulis vivere secundum sectam suam»...

предположить, что эти далекіе пути на востокъ рано должны были быть извѣстны торговымъ людямъ Арменіи. Я отнюдь не хочу опираться на въ высшей степени ложное представленіе объ армянахъ, какъ о торговой по природѣ націи, когда на самомъ дѣлѣ ядромъ армянства является и до сего дня крестьянское земледѣльческое населеніе. Наоборотъ, торговыя наклонности, исторически развившіяся у армянъ, на мой взглядъ, прямо пропорціональны ихъ денаціонализаціи. Можно, думается мнѣ, утверждать, что торговый классъ въ древности вышелъ изъ армянъ, отрывавшихся отъ народной почвы и становившихся на путь денаціонализаціи, и первыми армянами такого космополитическаго настроенія въ столь же феодальной въ то время странѣ, какъ и Грузія, могли быть лишь тѣснимые у себя армяне, раньше всего армяне-манихеи, армяне-павликіане и армяне-халкедониты. Такой взглядъ намъ помогъ бы, быть можетъ, установить хронологію и составъ армянскихъ переселенческихъ движеній въ Россію, на Волгу и къ Азову, въ Болгарію и въ Киликію, переселеній, несомнѣнно, предшествовавшихъ паденію Ани, съ которымъ они связываются въ значительной степени по недоразумѣнію. Надо помнить, что переселенческое движеніе армянъ вызывалось народно-общественною психологіею, а послѣдняя въ свою очередь опредѣлялась въ то время прежде всего религіозными интересами. Во имя осуществленія вѣроисповѣдныхъ идеаловъ приносилось въ жертву все національное благополучіе. Еще Лазарь Парпскій (изд. 1873, стр. 141—142) даетъ выраженіе этому настроенію, не колебавшемуся, и преданность родной землѣ, патріотизмъ, ставитъ ниже религіозныхъ интересовъ: «или будемъ жить, служа *истинной Христовой вѣрѣ, въ которой родились* мы обновленіемъ въ купели благодаря пресвятому ученію мученика Григорія и его чада, или, оставивъ край, отправимся въ чужую сторону, каждый съ женою и дѣтьми, уповая твердо на слово Спасителя Житвотворца: «когда васъ будутъ гнать изъ этого града, бѣгите въ другой».

Несомнѣнно одно, что армянскія переселенія направлялись по великимъ торговымъ путямъ, такъ по сѣверному черезъ Дербентскій проходъ прослѣживается движеніе на сѣверъ къ приволжскимъ болгарамъ, на западъ къ Азовскому морю и, повидимому, и на востокъ въ Китай. Для болѣе поздняго времени монгольской эпохи, Devéria старается установить, что черезъ Сарай прибывали въ Китай христіане греческаго исповѣданія. Армяне-халкедониты съ этимъ направленіемъ

могли быть знакомы задолго до монголовъ, но ничто не мѣшало имъ двигаться и черезъ Персію. Если персы, какъ пишетъ объ этомъ и католикосъ Арсеній, не терпѣли армянъ-халкедонитовъ въ подвластной имъ Арменіи, то только ввиду сосѣдства ея съ халкедонитской Византіею, но они имъ могли предоставлять полный просторъ не только для движенія въ зарубежный Китай, но и въ восточныя области самой Персіи.

Болѣе того, персидскіе цари сами могли принимать и насильственныя мѣры для выселенія упорныхъ халкедонитовъ изъ Арменіи, да вообще съ западной окраины на востокъ, какъ византійскіе императоры одно время охотно поселяли во Ѳракію для борьбы съ сѣверными варварами армянскихъ павликіанъ, гонимыхъ въ самой имперіи. Любопытно бы знать, какого были исповѣданія армяне, которыхъ въ послѣднюю четверть VI-го вѣка нашелъ въ вирканскомъ, т. е. гирканскомъ марзапанствѣ Смбатъ Багратидъ, назначенный его правителемъ. Объ этомъ разсказываетъ еще Себеосъ, историкъ VII-го вѣка (гл. XIV, изд. Патканова, стр. 59—60=перев. русск., стр. 66=перев. франц. Fr. Macler, Парижъ 1904, стр. 43). О томъ же случаѣ упоминаетъ и рядъ позднѣйшихъ армянскихъ историковъ: католикосъ Іоаннъ (стр. 40—41), Степанъ Таронскій (изд. Спб., стр. 85—86), Самуилъ Анійскій, Мхитаръ Айриванкскій и Киракосъ Гандзакскій (изд. Эмина, стр. 29). Ограничусь болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ католикоса Іоанна: персидскій царь Хосрой Смбату Багратиду даетъ «вирканское марзапанство. Отправившись же и прибывъ въ ту страну, Смбатъ находитъ тамъ племена, плѣненныя изъ Арменіи и поселенныя въ Туркестанѣ со стороны великой пустыни, называемой Сагастаномъ. Собственный языкъ, оказалось, они забыли и грамотность у нихъ весьма убыла. Увидѣвъ Смбата, они очень обрадовались и по его приказанію опять принялись за изученіе армянской азбуки, возстановили языкъ и, выучившись армянской грамотѣ, утвердились въ вѣрѣ. Затѣмъ Смбатъ велѣлъ великому патріарху нашему Моисею поставить имъ епископомъ [1]) какого-то священника изъ нихъ же, по имени Авеля. И такимъ образомъ образуетъ онъ изъ нихъ эпархію великаго престола святого Григорія, существующую и въ наше время».

Въ X-мъ вѣкѣ, когда писалъ католикосъ Іоаннъ, эта армянская эпархія, повидимому, существовала на сѣверо-востокѣ Персіи, и тогда

---

1) По Степану Таронскому, «вардапетомъ».

она, весьма вѣроятно, подчинялась главѣ армянской національной церкви. Около этого времени армянская церковь существовала и въ Хорасанѣ, судя по одному списку армянскаго Евангелія, хранящемуся въ Джульфѣ [1]). Это—пергаментная рукопись крупнаго иниціальнаго письма, древнѣйшая среди джульфинскаго собранія, написанная, повидимому, до X-го вѣка. Рукопись «возобновлялась» раза два, написана же она была въ Хорасанѣ.

Но въ VI-мъ вѣкѣ національное церковное направленіе въ Арменіи лишь начинало выражаться. Гирканскіе армяне, выселенные изъ родины за много лѣтъ предъ тѣмъ, конечно, и не могли быть членами національной армянской церкви. Себеосъ и не говоритъ этого. Правда, о гирканскихъ армянахъ, по всей вѣроятности, существовало особое сказаніе, которымъ пользовались и Себеосъ, и позднѣйшіе армянскіе историки, дающіе нѣкоторыя отличныя подробности, слѣдовательно, на Себеоса нѣтъ основанія смотрѣть, какъ на первоисточникъ по вопросу (ср. К. Паткановъ, Исторія императора Иракла, стр. 201, прим. 149), но все же онъ болѣе древній и сравнительно менѣе предубѣжденный писатель, а онъ пишетъ такъ: «въ той странѣ (Вирканіи) находилось племя, плѣненное изъ Арменіи и поселенное по окраинѣ великой пустыни, со стороны Туркестана и Делһастана. (Люди этого племени) забыли свой языкъ, грамотность убыла у нихъ (*или*: въ Писаніи ослабѣли они) и чувствовали недостатокъ въ чинѣ священства. Находились тамъ и изъ племени кодріевъ, захваченные въ плѣнъ нашими мужами. Находились тамъ не въ маломъ количествѣ и изъ греческаго владычества, также изъ сирійскаго края. Кодрійское племя было невѣрующее. Для христіанъ же взошелъ великій свѣтъ, они укрѣпились въ вѣрѣ, стали учиться грамотѣ (или: Писанію) и языку (Писанія) и утвердили въ чинѣ священства для той страны нѣкоего іерея (ерēц) изъ ихъ же среды, котораго звали Авелемъ» [2]). Въ изложеніи Себеоса важно то, что онъ

1) Свѣдѣніями объ этомъ спискѣ я обязанъ отцу Сибату Теръ-Аветисяну.

2) Въ недавно появившемся французскомъ переводѣ рядъ неточностей, такъ a) *ազգն գերեալք ի Հայաստանն երկրէ племя, плѣненное изъ армянской земли*, Macler передаетъ: «des captives arméniens». Съ *ազգ* согласовано прилагательное, стоящее во множественномъ числѣ, такъ какъ оно — собирательное. Можно бы его перевести, пожалуй, и словомъ «народъ», но не «народы», какъ переведено у Патканова; b) *նստուցեալ поселенное* Macler передаетъ: «campé»; c) *որք գերեցան մերովք արամբք захваченные въ плѣнъ нашими мужами* при наличномъ чтеніи также не имѣю основанія понимать такъ, какъ предлагаетъ Macler: «qui avaient été faits prisoniers avec les nôtres», хотя такъ перевелъ въ свое время и Паткановъ. Для такого перевода недостаетъ предлога *ընդ*.

говоритъ объ армянахъ, выселенныхъ изъ Арменіи, съ христіанами-поселенцами изъ предѣловъ греческаго владычества и сирійскаго края: были ли эти христіане также армяне, или греки и сирійцы, все равно, естественнѣе всего предположить, что рѣчь о членахъ одной и той же христіанской церкви, признававшейся политически опасною на западной окраинѣ Персіи, именно халкедонитской.

Армяне-халкедониты и были, по всей вѣроятности, въ числѣ піонеровъ армянскаго движенія въ далекія восточныя страны. Пока армяне-халкедониты не порывали окончательно связи съ родиною, они и могли быть посредниками въ ознакомленіи своихъ сородичей съ Китаемъ. На почвѣ такого ранняго ознакомленія въ армянской исторической литературѣ возникли, вѣроятно, легенды о китайскомъ происхожденіи армянскихъ княжескихъ родовъ Орбеліановъ и Мамиконянъ, легенды, которымъ по недоразумѣнію оказывалось полное довѣріе, какъ историческимъ даннымъ (Brosset, Hist. de la Siounie, I, стр. 210, прим. 9). Орбеліаны и Мамиконяны по происхожденію безспорно мѣстные роды, если даже и не армянскіе. Легенды же объ ихъ китайскомъ родствѣ не древнѣе VIII-го вѣка. Онѣ выработаны путемъ этимологизацій, излюбленныхъ въ эллинофильскихъ кругахъ, т. е. опять таки, по моему представленію, въ сферѣ армянской халкедонитской дѣятельности. Знакомство съ этой легендой проявляется и въ Географіи Хоренскаго (изд. Патканова, стр. 25=русск. перев., стр. 84). Въ другой армянской Географіи XIII-го вѣка, сочиненіи Вардана, сохранилось прямо-таки свѣдѣніе о христіанахъ въ Средней Азіи. Варданъ ихъ называетъ православными, почему предполагалось, предполагалъ и я такъ (Надгробный камень изъ Семирѣчія съ армянско-сирійской надписью 1323 г., Зап. Вост. Отд., VIII, стр. 348—349), что разъ армянскій писатель называетъ ихъ православными, то они единовѣрны съ армянами-грегорянами. Но самъ Варданъ проговаривается, что у этихъ «православныхъ» были особенности [1]). Съ другой стороны, Варданъ, очевидно, повторяетъ слово «православный» изъ какого-то источника, который могъ быть халкедонитскимъ, и въ такомъ случаѣ этотъ терминъ окажется равнозначущимъ халкедониту.

И, дѣйствительно, единеніе армянъ съ сирійцами въ Средней Азіи, свидѣтельствуемое эпиграфическими памятниками Семирѣчія, возбуж-

1) Упоминаемая Варданомъ особенность, существованіе у нихъ лишь Евангелія Матѳея, сама по себѣ, конечно, ничего еще не говоритъ, но надо отмѣтить, что армянскій географъ признавалъ особенность у тѣхъ «православныхъ».

даетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы армяне тѣ были, какъ теперь выражаются, «грегорянами», точнѣе членами армянской національной церкви.

Надо отмѣтить, что въ сирійскихъ текстахъ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей попадаются нѣкоторые слѣды эллинофильства, быть можетъ, переживанія прежняго исповѣданія. Такъ, любопытно наличіе греческихъ именъ Александръ, Февронія и др. Насчетъ имени Іулиты (№ 50, 11) и проф. Хвольсонъ замѣчаетъ (ц. с., стр. 134), что оно «kommt im Westen als Name einiger Heiligen vor». И, дѣйствительно, это женское имя вмѣстѣ съ Киріакомъ (ܩܘܪܝܩܘܣ), также наличнымъ въ надписяхъ, но рѣдкимъ, по мнѣнію проф. Хвольсона (ц. с., стр. 134), у сирійцевъ, самыя обыкновенныя имена именно у восточныхъ халкедонитовъ. Перешли всѣ эти имена и въ армянскую національную церковь, и весьма популярны въ ней впрочемъ кромѣ Февроніи, хотя память и житіе послѣдней также имѣются на армянскомъ [1]).

Особенно характерна грецизованная форма Іисуса: ܝܫܘܣ Ишусъ вм. обычной ܝܫܘܥ Ишукъ (D. Chwolson, Syr.-nestor. Grabinschriften, 1890, стр. 27, № 50,10). Проф. Хвольсонъ указываетъ, что греческая форма ܐܝܫܘܣ встрѣчается и въ сирійской литературѣ (ц. с., стр. 133), но, если не ошибаюсь, только въ сиро-палестинской и отнюдь не въ несторіанской или даже іаковитской. Эта же форма господствуетъ и въ армянскомъ языкѣ, внесенная въ него эллинофилами, какъ мнѣ представляется, если не халкедонитами, то весьма близкими къ нимъ по духу [2]).

Женское имя персидскаго происхожденія «Ширин» (ц. с., стр. 82, № 49,2), resp. «Шерин», для насъ представляетъ интересъ не столько тѣмъ, что это «ein bekannter persischer Frauenname (ц. с., стр. 135), сколько тѣмъ, что такъ (Scherin) называлась одна «великая отшель-

1) Киріакомъ между прочимъ назывался одинъ изъ епископовъ, поставленныхъ въ Арменіи самимъ Григоріемъ Просвѣтителемъ.

2) Независимо отъ халкедонитства справка въ армянскихъ матеріалахъ облегчила бы пониманіе наличныхъ въ надписяхъ именъ: a) Шелиха по-сирійски значитъ апостолъ, по армянски Арак̔еалъ, resp. Ар̓ак̔елъ, и это самое обычное имя у армянъ (ср. D. Chwolson, ц. с., стр. 134), b) женское имя ܛܒܝܬܐ толкуется какъ греческое δορκάς, что по армянски Айцеамникъ: и у армянъ это женское имя, c) «Иванигъ» надписи № 27,3 предметъ различныхъ догадокъ (ц. с., стр. 57—58), представляетъ діалектическую уменьшительную форму на «иг» вм. «ик» имени Ивана, resp. «Іоана»: «Іоанигъ» (ܐܘܚܢܝܓ) вм. «Іоаникъ» (ср. груз. Иваника). Въ армянскихъ надписяхъ встрѣчается и форма «Иваникъ», такъ напр. въ одной надписи 1344-го года (С. Джалалянъ, Ճանապ. ի Մեծ Հայաստան, II, стр. 128).

ница», по восторженному выраженію агіографа, «благословенная между женъ». Для насъ любопытно именно то, что по этому поводу на полѣ рукописи на сирійскомъ же языкѣ читается: «впереди всѣхъ (женъ) идетъ Марія, Богородица». (Dr. Henrich Goussen, Martyrius-Sahdona's Leben und Werke nach einer syrischen Handschrift in Strassburg i/E., Leipzig 1897, стр. 6,8[1]). И нѣтъ ничего невѣроятнаго, если въ этихъ памятникахъ сказались бы кое-какія переживанія халкедонитскаго исповѣданія.

Вас. Влад. Бартольдъ въ статьѣ «О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ» (Зап. Вост. Отд., VIII, стр. 10—11) указалъ на наличность и православныхъ халкедонитовъ въ интересующихъ насъ краяхъ: послѣ арабскаго завоеванія халкедониты вторично получаютъ доступъ въ среднюю Азію; въ XI-мъ вѣкѣ въ Мервѣ былъ халкедонитскій митрополитъ.

Для поздняго времени спеціально выясненіемъ роли халкедонитовъ у монголовъ занимался Devéria въ работѣ «Notes d'épigraphie mongole-chinoise» (Journal Asiatique, 1896, VIII, стр. 425 сл.). Но онъ не былъ въ курсѣ сложнаго халкедонитскаго дѣла на Востокѣ среди алановъ, грузинъ и армянъ, еще менѣе, разумѣется, могъ онъ имѣть понятіе объ армянахъ-халкедонитахъ. Онъ не зналъ, повидимому, даже того, что этническія названія здѣсь часто служили вѣроисповѣдными, такъ особенно «греческій» и отчасти «грузинскій» въ значеніи халкедонита. Но все же для насъ интересенъ конечный итогъ собранныхъ имъ впервые вмѣстѣ свидѣтельствъ о халкедонитахъ въ Монголіи и Китаѣ, въ томъ числѣ о грузинахъ и аланахъ. Они, по мнѣнію Devéria, доказываютъ достаточно ясно существованіе значительной группы христіанъ греческаго исповѣданія среди монголовъ XIII-го и XIV-го вѣковъ (Journ. As., 1896, VIII, стр. 436).

Еще значительнѣе и вліятельнѣе были, какъ оказывается, халкедониты до половины XIII-го вѣка, о каковомъ времени европейскіе путешественники мало могутъ намъ сообщить. Впрочемъ показанія путешественниковъ о христіанскихъ исповѣданіяхъ въ Средней Азіи вообще должны быть принимаемы cum grano salis, такъ какъ внутреннія

1) Кстати, въ памятникѣ, описанномъ д-ромъ Гуссеномъ, встрѣчается (стр. 11) имя Баршабба, съ чѣмъ и можно отожествить ܒܪܫܒܐ одной семирѣченской надгробной надписи (Chwolson, ц. с. ,стр. 101, № XXI). Это то имя «Bar-Schabā», про которое проф. Хвольсонъ писалъ (ц. с., стр. 133): «ist syrisch, kommt aber, glaube ich, sonst in der syrischen Literatur nicht vor».

особенности восточныхъ христіанъ различныхъ церквей имъ были въ значительной степени малодоступны. Самъ Charles-Eudes Bonin, такъ расположенный къ мысли объ исключительномъ господствѣ несторіанъ, допускаетъ возможность того, чтобы даже Марко Поло принялъ «алановъ, греческаго исповѣданія» въ Китаѣ за несторіанъ (Journ. As., 1900, XV, стр. 589). Западнымъ путешественникамъ тѣмъ легче было ошибиться, что ко времени ихъ появленія различныя исповѣданія на этой далекой чужбинѣ могли скреститься и сплавиться (см. Devéria, ц. с., стр. 438), а главенство господствовавшаго въ эту эпоху несторіанства, конечно, не могло содѣйствовать составленію правильнаго историческаго воззрѣнія на предметъ. Такое подавляющее господство несторіанъ не было завѣщано. Оно восходило къ половинѣ XIII-го вѣка. Когда по смерти несторіанскаго патріарха Макики въ Багдадѣ его мѣсто въ 1266-мъ году занялъ Мар-Денhа, яковитское и халкедонитское (мелькитское) духовенство было сдѣлано подвѣдомственнымъ ему. Онъ былъ облеченъ правомъ разбирать судебныя дѣла яковитовъ и халкедонитовъ (литер. вопроса процитована у Devéria, ц. с., стр. 403—404). Съ этимъ событіемъ находится, повидимому, въ связи подчиненіе хорезмскихъ христіанъ въ XIII-мъ вѣкѣ антіохійскому патріарху: предвидя опасность своему исповѣданію отъ усилившагося несторіанства, часть ихъ могла искать свою крѣпость въ болѣе тѣсномъ единеніи съ единовѣрною метрополіею. Подчиненіе хорезмскихъ христіанъ антіохійскому патріарху ясно показываетъ, какъ то замѣтилъ В. В. Бартольдъ (ц. с., стр. 19), что они были халкедониты или яковиты. Любопытная подробность, приводимая проф. Бартольдомъ (ib.) изъ Бируни, говоритъ также, пожалуй, въ пользу халкедонитства хорезмскихъ христіанъ, притомъ халкедонитства армяно-грузинскаго склада. Указавъ, что проф. Хвольсонъ «предполагаетъ здѣсь (среди гузовъ) также участіе христіанъ другихъ исповѣданій, кромѣ несторіанскаго», В. В. Бартольдъ пишетъ: «и, дѣйствительно, къ гузамъ могли проникнуть византійскіе миссіонеры, дѣйствовавшіе, какъ извѣстно, среди ихъ западныхъ сосѣдей — хазаръ. Кромѣ того надо принять во вниманіе близость гузовъ къ Хорезму, гдѣ также были христіане, не принадлежащіе къ несторіанамъ. 4-го іяра (мая) хорезмскіе христіане, по словамъ Бируни, справляли «праздникъ розъ» (въ церковь приносили свѣжія розы): по преданію Богородица въ этотъ день поднесла розу матери Іоанна Крестителя».

Намѣчаются факты въ пользу наличія «праздника розъ» въ древней

армянской и грузинской церкви, и именно въ пользу того преданія, которое приводитъ проф. Бартольдъ изъ Бируни[1]).

Въ названныхъ церквахъ не только существовалъ «праздникъ розъ», но и пользовался большою популярностью. У грузинъ онъ назывался ვარდობა вардоба[2]). У нихъ же существовалъ мѣсяцъ, окрещенный названіемъ этого праздника: ვარდობისთთუჱ вардобис-т̔т̔уей, какъ теперь существуютъ названія мѣсяцевъ по праздникамъ, напр. маріобис-т̔вэ *августъ*, гіоргобис-т̔вэ *ноябрь*. Словари мѣсяцъ «вардобис» толкуютъ маемъ. Можно, конечно, возражать, что въ Грузіи, какъ и въ Арменіи, календарь въ древности былъ съ подвижными мѣсяцами. И, дѣйствительно, попадаются показанія въ пользу того, что не всегда легко отожествлять мѣсяцъ «вардобис» съ нашимъ маемъ. Напр. въ древне-грузинскомъ Сборникѣ житій святыхъ, носящемъ слѣды армянскаго вліянія, о «праздникѣ розъ» упоминается въ вставочномъ примѣчаніи предъ чтеніемъ 28-го декабря (Н. Марръ, Агіограф. матеріалы по грузинскимъ рукописямъ Ивера, I, Зап. Вост. отд. Имп. русск. археол. общ., XIII, стр. 49). Въ этомъ Сборникѣ 28-го декабря помѣщено «Мученичество Петра», но, очевидно, переписчику было уже извѣстно празднованіе Петра съ Павломъ 29 іюня, и это-то обстоятельство побудило его сдѣлать слѣдующую вставку: «память святыхъ апостоловъ Петра и Павла (замученныхъ) въ Римѣ, (чествуется) за восемь дней «до праздника розъ». По этому тексту «праздникъ розъ» приходился 7-го іюля. Или еще въ грузинскомъ переводѣ Номоканона Іоанна (изд. А. С. Хаханова, 1902, стр. 66) упоминается о двухъ постахъ «Рождества Христова и святыхъ апостоловъ, каковой (постъ) грузины называютъ (постомъ)

---

1) Извѣстенъ въ вселенской церкви родисмосъ (ῥοδισμός), т. е. розовникъ (rosalia у латинянъ), но такъ называется праздникъ въ честь евангелиста Іоанна Богослова. По мѣсяцеслову Василія: «гробъ, въ которомъ великій апостолъ и евангелистъ Іоаннъ предъ преложеніемъ погребенъ, каждогодно 8 мѣсяца мая, изволеніемъ Духа святого, внезапно источаетъ и издаетъ св. прахъ (κόνιν), который мѣстные жители (въ Ефесѣ) называютъ манною». «Нѣкоторые думаютъ, что самая манна называлась ῥόδις (розовая мазь, розовый порошокъ). Но другіе... гораздо вѣрнѣе разумѣютъ празднованіе съ употребленіемъ весеннихъ розъ, какъ у насъ цвѣтовъ въ Троицынъ день; ибо это наименованіе праздника родисмосъ употребляется и въ отношеніи къ другимъ святымъ въ весеннее время», напр. 9 мая въ отношеніи къ патріарху Тимоѳею, 25 мая—Ѳеодору (Архіеп. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, 171—172).

2) Вард-и *роза*, а «оба» — суффиксъ отвлеченныхъ понятій, прежде всего отглагольныхъ именъ, а также названій праздниковъ, напр. маріоба *праздникъ св. Маріи* (Успеніе Богоматери), гіоргоба *праздникъ св. Георгія* и т. п.

«праздника розъ» [1]). По этому тексту, «праздникъ розъ» долженъ былъ быть въ іюнѣ, когда приходится быть «посту апостоловъ», т. е. Петровскому посту. Былъ ли однако у грузинъ постъ «праздника розъ» отличенъ отъ «поста апостоловъ» всегда только по названію, или и по реальному значенію? Т. е. не произошло ли здѣсь приспособленіе названія мѣстнаго церковнаго поста къ посту иному? Дѣло въ томъ, что постъ «праздника розъ» грузинъ по названію совпадаетъ съ армянскимъ постомъ также «праздника розъ» или популярнѣйшаго армянскаго праздника «Вардаваръ» [2]). Правда, въ армянской церкви Вардаваръ получило значеніе праздника Преображенія, но и здѣсь, очевидно, имѣемъ приспособленіе мѣстнаго эортологическаго названія къ иному празднику. И въ этомъ наибольшая опасность для гипотезы В. В. Болотова объ армянскомъ происхожденіи праздника Преображенія. Праздникъ этотъ въ восточной каѳолической церкви становится общимъ лишь съ VIII-го вѣка [3]). Названіе Այլակերպութիւն или Պայծառակերպութիւն *Преображеніе* въ армянскомъ имѣетъ всѣ шансы быть нововведеніемъ грекофиловъ, которые и могли ввести самый праздникъ, чтобы подставить вмѣсто мѣстнаго церковнаго праздника, тогда еще сильнѣе, надо думать, насыщеннаго переживаніями языческаго праздника. Языческій прототипъ, армянскій по В. В. Болотову (ц. с., стр. 619) и по традиціонному армянскому представленію, чисто каппадокійскій по П. Каролидесу (Γλωσσάριον συγκριτικὸν ἑλληνοκαππαδοκικῶν λέξεων, Смирна 1885, стр. 73 сл.), въ данный моментъ намъ не интересенъ. Важенъ выясняющійся фактъ существованія въ древней армянской и древней грузинской церкви мѣстнаго «праздника розъ» (арм. «Вардаваръ», груз. «Вардоба»), впослѣдствіи въ армянской національной церкви отожествленнаго съ Преображеніемъ. Въ живой старинѣ каппадокійцевъ безразлично, говорятъ ли они по гречески или по турецки, до сихъ поръ празднуется народный праздникъ Βαρτουβάρ,

1) А. С. Хахановъ даетъ неточный переводъ: «Рождества Христова и свв. апостоловъ, [въ мѣсяцъ] *который грузины* называютъ *мѣсяцемъ розъ*». Въ текстѣ рѣчи нѣтъ о мѣсяцѣ.

2) О различныхъ толкованіяхъ термина, въ составъ котораго во всякомъ случаѣ входитъ вард *роза*, см. В. В. Болотовъ, ц. с., стр. 619, прим. 56.

3) Болѣе или менѣе подлинныя свидѣтельства о наличіи Преображенія въ числѣ праздниковъ христіанской церкви вообще гдѣ либо относятся лишь къ половинѣ V-го вѣка (Архіеп. Сергій, Полный Мѣсяцесловъ Востока, 1901, II, стр. 318). Потому-то неосновательно армянское преданіе о томъ, будто Григорій Просвѣтитель въ IV-мъ вѣкѣ подмѣнилъ языческому празднику Вардаваръ христіанское Преображеніе подъ тѣмъ же названіемъ Вардаваръ (Gius. Cappelletti, L'Armenia, III, стр. 18).

т. е. тотъ же Вардаваръ. Празднуется онъ въ шестое послѣ пасхи воскресенье, но подробности празднованія во многихъ отношеніяхъ представляютъ повтореніе народнаго праздника, совершаемаго «прочими греками» въ день Іоанна Крестителя 24-го іюня (П. Καρολίδης, ц. с., стр. 72). Главная часть празднованія — это гаданіе. У армянъ существуетъ тотъ же обрядъ: у нихъ обыкновенно это празднованіе-гаданіе совершается въ Вознесеніе, собственно въ канунъ Вознесенія (П. Καρολίδης, ц. с., стр. 73, Ազգ. Հանդ. III 1898, III, стр. 258—259, 1900, VI, стр. 370—371, 1903, X, стр. 266), но тоже самое празднованіе иногда происходитъ въ Вардаваръ (Ազգ. Հանդ., 1903, X, стр. 268). На близость этого армянскаго праздника въ древности къ памяти объ Іоаннѣ Крестителѣ ясно указываетъ то, что до сихъ поръ Вардаваръ связанъ съ всенароднымъ армянскимъ паломничествомъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей въ храмъ I. Предтечи, въ Мушѣ. И въ Константинополѣ въ праздникъ Вардаваръ армяне «собираются многочисленной толпою въ храмѣ св. Предтечи, гдѣ въ этотъ день производится большая продажа голубей: каждый покупаетъ ихъ побольше и отпускаетъ, не зная значенія этого обычая. Ввиду этого обычая турки называютъ этотъ день праздникомъ голубей» (Cappelletti, ц. с., III, стр. 19). Въ Таронѣ, да и во многихъ другихъ частяхъ Арменіи (Cappelletti, ц. с., стр. 18, Հանդէս ազգագր., 1897, кн. III, стр. 277) кромѣ того, что выпускаютъ голубей, окропляютъ другъ друга водою, несутъ въ церковь букеты розъ и кладутъ ихъ передъ алтаремъ. У армянъ существуетъ толкованіе, что прежде праздникъ былъ въ память потопа, что голубь и вода символическія указанія потопа и возвращенія голубя къ Ною въ ковчегъ. Въ этомъ толкованіи важно то, что въ основѣ его лежитъ мысль объ иномъ древнемъ церковномъ приспособленіи Вардавара, отличномъ отъ отожествленія его съ Преображеніемъ. Связь того древняго церковнаго приспособленія съ памятью о св. Іоаннѣ Предтечѣ не можетъ подлежать сомнѣнію ввиду всенароднаго паломничества въ этотъ день именно въ храмъ Предтечи. Вода и голубь могутъ символизировать именно Іоанна Крестителя. Въ частности пусканіе голубей можетъ указывать на привѣтствованіе Маріею безплодной Елизаветѣ о возвѣщенномъ ей ангеломъ зачатіи Іоанна Крестителя. Любопытною въ этомъ отношеніи параллелью представляется пусканіе птицъ у русскихъ въ Благовѣщеніе. Болѣе любопытно и важно для нашего вопроса, что среди армянъ Джавахіи или Джавахетіи именно въ два праздника,

Богородичный и Вардаваръ, безплодныя совершаютъ паломничество въ ихъ мѣстную святыню, храмъ св. Георгія (Ազգ. Հանդ., 1896, I, стр. 372). Словомъ, наличные пока армянскіе матеріалы оказываютъ довольно сильную поддержку для того, чтобы въ армянскомъ Вардаварѣ признать праздникъ Богоматери, привѣтствующей Елизавету по случаю зачатія Іоанна Крестителя. Таковъ же былъ, по всей видимости, и грузинскій праздникъ Вардоба. Онъ приходился, какъ мы видѣли, по нѣкоторымъ грузинскимъ текстамъ, и въ іюнѣ, и въ іюлѣ, точно подвижной армянскій Вардаваръ, но по неподвижному календарю въ мѣсяцѣ маѣ, какъ праздникъ хорезмскихъ христіанъ. Въ грузинскихъ сборникахъ пѣснопѣній Синайскаго монастыря мнѣ раза два попался и день этого праздника съ такою помѣткою: «Праздникъ розъ (Вардоба) Богородицы 15-го мая». Въ древней армянской церкви память Іоанна Крестителя чествовалась, судя по Агаѳангелу (Тифл. изд., 482), въ началѣ года, т. е. перваго «навасарда», что соотвѣтствуетъ по неподвижному календарю 11-му августа. Это былъ праздникъ чествованія мощей Предтечи, но онъ, естественно, могъ вмѣщать въ себѣ и память о различныхъ моментахъ его жизни, въ томъ числѣ объ его рожденіи[1]). И такимъ образомъ въ грузинскомъ «праздникѣ розъ Богородицы» (ვარდობაჲ ღმრთისმშობლისაჲ), происходившемъ 15-го мая, т. е. за три мѣсяца до дня памяти Іоанна Предтечи, а, слѣдовательно, и въ родственномъ съ нимъ церковно-армянскомъ Вардаварѣ легко можетъ быть признано чествованіе того дня, когда Марія узнаетъ отъ ангела, что ея родственница Елисавета, называемая безплодною, зачала сына, Іоанна Крестителя, въ старости своей, и ей уже шестой мѣсяцъ, и она съ поспѣшностью пошла въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ, вошла въ домъ Захаріи и привѣтствовала Елисавету (Лука 1, 36—40).

Во всякомъ случаѣ очевидно, что во второй половинѣ XIII-го вѣка халкедониты теряютъ въ интересующемъ насъ районѣ независимое положеніе, судя по источникамъ, кстати сказать, несторіанскимъ. Но и безусловно довѣряя несторіанамъ, мы должны заявить,

---

1) Рождества Іоанна 24 іюня армянская церковь не знаетъ, да оно, по изысканію В. В. Болотова (ц. с., стр. 608), и установлено-то на Западѣ. Въ нынѣшнихъ календаряхъ армянской національной церкви Рождество І. Предтечи нахожу 15-го, геор. 14-го января, что можно объяснить перенесеніемъ перваго армянскаго мѣсяца навасарда въ январь, какъ начало года. Память І. Предтечи тамъ же помѣчается еще въ началѣ сентября.

что до 1266-го года у халкедонитовъ тамъ же было самостоятельное значеніе.

Есть еще одно сильное возраженіе противъ того, чтобы несторіане монгольской эпохи были преемственными продолжателями дѣла древнихъ христіанъ Средней Азіи. Доказательствомъ культурной работы прежнихъ христіанъ являются, повидимому, древнія тюркскія письмена, орхонское и уйгурское. Уйгурское, несомнѣнно, находится въ родствѣ съ сирійскимъ, но трудно признать въ немъ дѣло рукъ несторіанъ. Сличеніе буквъ отнюдь не устанавливаетъ и особенной близости уйгурскаго письма къ несторіанскому[1]). Съ другой стороны, если бы несторіане монгольской эпохи являлись хранителями древнихъ завѣтовъ мѣстныхъ христіанъ, то они для языка единовѣрныхъ тюрковъ въ надгробныхъ надписяхъ воспользовались бы болѣе совершеннымъ уйгурскимъ письмомъ. Таково и мнѣніе В. В. Радлова, высказанное имъ мнѣ лично. И, пожалуй, прежде всего несторіанское происхожденіе становится сомнительнымъ, какъ справедливо замѣтилъ въ личной бесѣдѣ В. В. Бартольдъ, въ виду того, что уйгурское письмо представляетъ усовершенствованный типъ съ гласными начертаніями въ строкѣ. Послѣднее обстоятельство объяснится безъ труда, если удастся установить, что несторіанамъ въ миссіонерской работѣ предшествовали вообще или въ извѣстномъ районѣ средней Азіи халкедониты, сирійцы и армяне. Если первые могли дать алфавитъ, весьма вѣроятно, отличный отъ несторіанскаго, то вторые, армяне-халкедониты, могли внушить мысль усовершенствовать его введеніемъ въ него начертаній для гласныхъ, такъ какъ у армянъ-халкедонитовъ, какъ бы они рано ни явились туда, письмо было уже усовершенствованное съ гласными въ составѣ.

Такимъ образомъ армяне и сирійцы, находившіеся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ въ средней Азіи при монголахъ, могли быть преемниками православныхъ халкедонитовъ, хотя бы отпрыска той православной месопотамской церкви, члены которой послѣ извѣстнаго разгрома, по свидѣтельству Никона Черногорца, разсѣялись въ различныя страны. А это въ свою очередь помогло бы намъ

---

1) «Wir können... mit Fug und Recht behaupten, dass jenes syrisch-nestorianische Alphabet, nach welchem die Schrift der Mongolen gebildet wurde, bis heutzutage noch nicht gefunden, respective nachgewiesen worden ist» (Fr. Müller, Zur Frage über den Ursprung der uigurisch-mongolisch-mandžuischen Schrift, Wiener Z. für d. Kunde des Morgenlandes, 1891, V, стр. 184).

объяснить появленіе у монголовъ термина «аркаунъ» въ качествѣ названія христіанъ.

Оно помогло бы намъ и въ томъ случаѣ, если бы предпочтеніе было оказано производству его отъ ἄρχων. На эту этимологію обратилъ мое вниманіе В. Д. Смирновъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 25 ноября (1904).

Въ сообщеніи «Les vers dits «Seldjouk» et le christianisme turc», читанномъ на конгрессѣ оріенталистовъ 1897-го года въ Парижѣ (Actes du XI-me congrès etc., III-e sect., 1899, стр. 156—157 = отд. отт., стр. 14—15), проф. Смирновъ «ахундъ» или «ахунъ», названіе учителя, ученаго богослова, муллы у мусульманъ Персіи и Средней Азіи, производитъ отъ греческаго ἄρχων (эту мысль повторилъ потомъ безъ указанія источника Charles-Eudes Bonin въ Journ. As., 1900, XV, стр. 588). Фонетически сопоставленіе возможно, но неизвѣстно, насколько оно имѣетъ за собою историческое основаніе въ связи съ употребленіемъ ἄρχων'а у христіанскихъ гностиковъ, какъ догадывается проф. Смирновъ. Для насъ еще менѣе ясно, какимъ образомъ гностическій терминъ ἄρχων, названіе эона, могъ получить въ средней Азіи форму «аркаун» и значеніе христіанина [1])? И черезъ кого? Пред-

---

1) Проф. Смирновъ ἄρχων склоненъ видѣть въ «загадочномъ названіи Аргонъ, которое монголы давали христіанамъ несторіанской ереси», причемъ дѣлается ссылка на статью въ Revue de l'Orient [G. Pauthier, Le pays de Tanduc et les descendants du prêtre Jean], 1862, стр. 307—310. Pauthier, авторъ этой статьи, дѣйствительно, повиненъ въ томъ, что съ «аркауномъ», какъ называли монголы христіанъ, а не исключительно несторіанъ, онъ отожествляетъ «аргонъ». Послѣднее же слово извѣстно изъ одного темнаго мѣста Марко Поло (переводъ И. П. Минаева, подъ редакціею В. В. Бартольда, СПБ., стр. 97), гдѣ оно самимъ путешественникомъ толкуется въ смыслѣ помѣси (H. Cordier, The Book of Ser Marco Polo, I, стр. 290 — 291), притомъ помѣси язычниковъ съ поклонниками Мухаммеда (H. Cordier, ц. с., стр. 284: And there is also here a class of people called *Argons*, which is as much as to say in French *Guasmul*, or, in other words sprung from two different races: to wit, of the race of the idolaters of Tenduc and of that of the worshippers of Mahomet). H. Cordier указываетъ на употребленіе въ тѣхъ краяхъ этого слова въ указанномъ значеніи и въ настоящее время (ц. с., стр. 290, 291 — 292). И фонетически «аргонъ» нѣтъ основанія сближать съ «аркауномъ», въ которомъ двугласное произношеніе ау, resp. еу гарантировано какъ армянскою передачею («аркаун», resp. «аркайун» или «аркавун»), такъ арабскою транскрипціею долгими ā и ӯ (اركاون, аркāӯн), ровно монгольскою (эрхеун). Еще до H. Cordier въ 1900 г. Charles-Eudes Bonin предполагалъ нужнымъ признать за Argon'омъ особое происхожденіе (Journ. As., XV, стр. 588). Въ виду всего этого давно слѣдовало окончательно присоединиться къ трезвому мнѣнію архимандрита Палладія, приводимому и французскимъ географомъ H. Cordier по англійскому тексту (Elucidations of Marco Polo's in North China drawn from Chinese sources, 1875): «Argons. Нельзя допустить, что М. Поло употребилъ монгольское Эркэунъ, какъ монголы называли христіанъ, и разумѣлъ подъ этимъ

полагается, черезъ манихеевъ, но у нихъ «архонами» являются всегда злыя существа (Flügel, Mani, seine Lehre и пр., стр. 242 сл.). Впрочемъ и въ манихействѣ, и вообще въ гностицизмѣ армяне принимали живѣйшее участіе, и при выясненіи пути, по которому гностическій терминъ греческаго происхожденія могъ пространствовать на Востокъ, слѣдовало бы обращать вниманіе на Арменію. Въ VII-мъ вѣкѣ въ Арменіи возникаетъ павликіанство, вышедшее изъ манихейства, и обошедшее весь западный европейскій міръ, проникнувъ предварительно въ Болгарію. Для нашего вопроса можетъ оказаться болѣе интереснымъ другое гностическое ученіе, ересь архонтиковъ. Ересь существовала въ IV-мъ вѣкѣ. Нѣкоторымъ она представляется вѣтвью офитовъ, проникшихъ далеко на востокъ: въ Индію. Кличку архонтики получили отъ того, что они называли архонами гностическія существа, управлявшія, по ихъ ученію, различными небесами. Ученіе въ IV-мъ же вѣкѣ перешло въ Великую и Малую Арменію. Одинъ изъ ревностныхъ распространителей этого ученія Евтактъ происходилъ изъ Саталы, въ Малой Арменіи [у верховьевъ Чороха]. И это религіозное ученіе единило армянъ съ сирійцами, но съ сирійцами Палестины, гдѣ оно и возникло (Епифаній, Противъ ересей, XL, 291—299). Однако и эти гностики назывались не архонами, а архонтиками, и неизвѣстно, назывались ли такъ ихъ земные управители, главари.

Болѣе послѣдовательнымъ и убѣдительнымъ кажется Devéria. Онъ, съ одной стороны, старается, какъ мы видѣли, установить, что аркаунъ значитъ «христіанскій священникъ», а съ другой, — подыскиваетъ въ греческихъ памятникахъ подходящее значеніе для ἄρχων, но ничего опредѣленнаго не выходитъ [1]). Затѣмъ, Devéria не задается

именемъ помѣсь язычниковъ и магометанъ; онъ былъ хорошо знакомъ съ христіанами въ Китаѣ и конечно не могъ не знать общепринятаго у монголовъ для нихъ названія» (Комментарій архимандрита Палладія Каѳарова на Путешествіе Марко Поло по Сѣверному Китаю съ предисловіемъ Н. И. Веселовскаго. СПб. 1902, стр. 27).

1) Что слово ἄρχων прилагалось иногда къ епископамъ, это хорошо извѣстно и безъ словаря Sophocles, на который ссылается Devéria (стр. 438), и вполнѣ естественно. Еще Оригенъ называетъ епископа πάπας, ἄρχων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ (κατὰ Κέλσου, кн. VIII). Но изъ этого вовсе нельзя выводить, что оно самостоятельно означало епископа. Хорошо понимая это, Devéria задаетъ вопросъ, не означало ли ἄρχων клерика съ особою обязанностью или главу особой церковной службы въ соборѣ? При этомъ онъ ссылается на Εὐχολόγιον τὸ μέγα, Венеція 1854, стр. 682, гдѣ имѣется дѣленіе церковныхъ должностей на ὀφφίκια и ἀρχοντικά. Быть можетъ, Devéria для подтвержденія своей мысли ухватился бы и за то, что въ книгѣ «Паралипомена» слово ἄρχοντες (II, 35, 25), въ вульгатномъ армянскомъ переданное իշխանք *князья*, въ древнемъ армянскомъ переводѣ переведено երգիչք *пѣвцы*, *пѣвчіе*.

вовсе вопросомъ, какимъ путемъ это греческое ἄρχων съ невыясненнымъ въ греческой церковной терминологіи значеніемъ обратилось въ названіе христіанъ у монголовъ или, какъ то онъ старается установить (стр. 397, прим. 2), христіанскихъ священниковъ, причемъ оно видоизмѣнилось въ арк̔аунъ, даже въ аркāўнъ. Недостаточно одного предположенія, что монголы заимствовали-молъ его у грековъ или у христіанъ греческаго исповѣданія (ц. с., стр. 436—437). Чувствуя слабость аргументаціи въ выясненіи значенія монгольскаго термина «арк̔аунъ» въ связи съ греческимъ церковнымъ значеніемъ ἄρχων'а, Devéria пытается обосновать его различными побочными соображеніями. Такъ назывались-молъ христіанскіе священники или потому, что они получали извѣстную долю свѣтской власти надъ своими единовѣрцами (стр. 437—438), или потому, что они пріобрѣтали вліяніе въ качествѣ врачей повелителя (стр. 401, прим. 3). Болѣе рѣшителенъ Charles-Eudes Bonin (ц. с., стр. 588): принимая отожествленіе арк̔ауна съ ἄρχων'омъ «такъ, какъ устанавливаетъ его г. Devéria», онъ видитъ въ немъ названіе несторіанскихъ священниковъ. Однако у несторіанъ слово это отнюдь неизвѣстно въ качествѣ названія священниковъ. Оно имѣется на сирійскомъ, но въ значеніи *князя*, *начальника* и т. п. Къ тому же и въ сирійскомъ чтеніе аркӯна, resp. аркӯн, но не аркаун[1].

Но если «арк̔аун» въ Монголіи и Китаѣ значеніе «христіанинъ» получило лишь впослѣдствіи, первоначально же означало властное лицо, понятно, духовное, то отожествленіе его съ ἄρχων можно поддержать въ значеніи духовнаго учителя, священника при помощи армянскихъ же матеріаловъ. Ἄρχων въ армянскомъ передается часто черезъ «пет», и этотъ армянскій эквивалентъ, дѣйствительно, употребляется въ значеніи *учителя*, *ученаго богослова* и т. п. въ составѣ сложнаго слова «вардапет». Вардапеты въ армянской церкви въ старину пользовались независимымъ положеніемъ и имѣли громадное вліяніе (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. V, стр. 34—36). Исторія армянской церкви свидѣтельствуетъ о постепенномъ ограниченіи варда-

1) И въ арабскомъ мы находимъ лишь форму اركون аркун, а не اركاون аркāўн, такъ напр. въ Мученичествѣ Григорія просвѣтителя (Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ, Зап. Вост. Отд., XVI, стр. 198), а также въ كتاب المجال (Studia Sinaitica, VIII, ٢, 23, ٣, 11 et pass.), гдѣ слово употреблено въ качествѣ эпитета Сатанаила.

петскихъ правъ. По всему видно, что вардапеты являются переживаніемъ института древней христіанской церкви. Въ такомъ случаѣ само слово вардапетъ пришлось бы признать національной передачею греческаго термина нашего слова ἄρχων.

Греческое слово могло удержаться лишь въ эллинофильскихъ кругахъ, каковые въ сильной степени состояли изъ выясняемыхъ мною халкедонитовъ. Этимъ объяснилось бы и возникновеніе формы «аркаунъ» изъ ἄρχων'а, resp. аркон'а (греческое χ транскрибировалась въ древности армянскимъ звукомъ к). Дѣло въ томъ, что для передачи ω армяне-эллинофилы прибѣгали къ транскрипціи двумя буквами «ов», напр. Θωμᾶς, Ἰωσήφ—Товмасъ, чит. Томасъ, Йовсепъ, чит. Йосепъ (Н. Марръ, Грам. древне-арм. яз., § 26). Впослѣдствіи чисто орѳографическое значеніе «в» было забыто, и его не только писали, но и читали, такъ—Товмасъ, Йовсепъ (отсюда фамилія Овсепянъ). Кромѣ того, въ армянскомъ звукъ «о» транскрибировался и черезъ աւ aw. Благодаря подобной двугласной транскрипціи, обычной именно въ армянскомъ письмѣ, усовершенствованномъ эллинофилами, и могла возникнуть изъ ἄρχων форма арковн, resp. аркавн, давшая монгольское «аркаун».

Само собою понятно, что при такомъ толкованіи слово пришлось бы признать внесеннымъ въ тѣ края задолго до монголовъ, которые въ такомъ случаѣ заимствовали его уже отъ другихъ, напр. отъ уйгуровъ, а не прямо отъ армянъ или сирійцевъ.

Съ другой стороны, оставаясь исключительно на почвѣ болѣе поздняго явленія—сирійско-армянскаго халкедонитства, мы можемъ получить и иное объясненіе.

Сирійцы-халкедониты въ ту пору назывались мелькитами. Мы теперь знаемъ изъ свидѣтельства Арсенія, грузинскаго католикоса, что этотъ терминъ былъ извѣстенъ и въ Грузіи. У армянъ также встрѣчаемся съ переводомъ этого термина въ одномъ памятникѣ. Въ позднѣйшей припискѣ Описанія армянскихъ монастырей въ св. землѣ вардапета Анастасія говорится (Ѳաղմանք, 1882, стр. 26=Archives de l'Orient latin, 1884, стр. 399=еп. Аствацатуръ Т. Іоаннэсянцъ, Ժամանակագր. պատմութիւն որ Երուսաղեմի 1890, стр. 96), что армяне-халкедониты сильно терпѣли въ св. Градѣ, и одно время, еще до появленія арабовъ, велѣно было въ Іерусалимѣ дозволять жить лишь христіанамъ царскаго исповѣданія (որք ողջ ունին զդաւանութիւն

Թագաւորին), т. е. мелькитамъ. По-сирійски мелькиты, собственно ܡܠܟܝ̈ܐ значитъ *царскіе* [1]).

Еще Lacroze переводилъ *арк̔ауны* черезъ regales. Въ такомъ смыслѣ понимали его, очевидно, и мхитаристы, толкуя въ Большомъ словарѣ выраженіемъ «т̔агаворазн», т. е. царскаго рода: арк̔аун, resp. арк̔айун или арк̔авунъ, на армянскомъ языкѣ, дѣйствительно, можетъ быть истолковано въ значеніи *царскій*, resp. *царевъ*. Арк̔а-й на армянскомъ значитъ царь, а ун, resp. уни суффиксъ прилагательныхъ и патронимикъ, какъ греч. ἰτης или ἰδης. Если въ параллельной формѣ арк̔уни замѣчаемъ усѣченіе основного «а», то это вульгарное, сравнительно позднее, явленіе судя по тому, что тоже «а» обыкновенно сохраняется передъ другими суффиксами въ древнихъ производныхъ словахъ отъ арк̔а-й *царь*, напр. арк̔айени, resp. арк̔аени *царственный*, арк̔айик, resp. арк̔аик *василискъ* (*царская змѣя*), арк̔айут̔юн, resp. арк̔аут̔юн *царство* и т. п. Съ другой стороны, и въ формѣ *арк̔аун* наблюдается вполнѣ закономѣрное вульгарное явленіе, потеря исходнаго «и» (вм. арк̔ауни, см. Н. Марръ, Грам. древне-арм. языка, § 62, в, 1), если, спѣшу оговориться, это слово дѣйствительно армянское.

Прежде сопоставленіе «арк̔аун»а съ армянскимъ «арк̔ауни» *царскій* могло казаться лишь случайнымъ, что и замѣтилъ Brosset (Hist. de la Siounie par Stephanos Orbelian, 1864, II, стр. 230, прим. 2).

Но при нашемъ реальномъ толкованіи «арк̔аун» оказалось бы армянскимъ словомъ, однозначущимъ съ мелькитомъ, т. е. халкедонитомъ. Пришлось бы допустить, что монголы, заимствовавъ слово отъ жившихъ среди нихъ армянъ-халкедонитовъ, стали потомъ называть такъ вообще всѣхъ христіанъ.

Чтобы придать предлагаемому объясненію долю вѣроятія, желательно было бы располагать фактическимъ подтвержденіемъ того, что у армянъ, дѣйствительно, существовало въ обиходѣ такое слово. Имѣя однако въ виду, что не только обиходная жизнь армянъ-халкедонитовъ, да еще сирійской группы, но даже самая память вообще о нихъ старательно уничтожалась или въ лучшемъ случаѣ затемнялась, надо признать, что лишь счастливый случай могъ бы обнаружить

---

1) Это толкованіе (см. Stephanus Borgia, De cruce vaticana, 1779, стр. 136, прим. b) принято и П. К. Коковцовымъ, см. подлежащую часть 205-го примѣчанія по этому вопросу въ русской обработкѣ А. Крымскаго труда Т. Нельдеке, Семитскіе языки и народы (Москва 1903, стр. 152).

такое подтвержденіе. Впрочемъ желательныя показанія какъ будто и нашлись, прежде всего въ двухъ эпиграфическихъ памятникахъ.

Извѣстенъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ одинъ случай употребленія слова «арк̔айун» изъ армянской надписи, сохраненной Муравьевымъ въ русскомъ переводѣ (Грузія и Арменія, СПб. 1848, II, стр. 275): «Я, Багратъ, сынъ Заропая Аркайуновъ, построилъ сіи врата для входа въ обитель св. Григорія, въ лѣто . . . .»[1]). Подъ обителью св. Григорія подразумѣвается, очевидно, стоящій у пути отъ тѣхъ вратъ халкедонитскій храмъ, построенный Тиграномъ Оненцомъ (см. выше стр. 40). Случайно-ли, что Багратъ, построившій врата для входа въ халкедонитскую обитель, назывался «Арк̔айун»омъ?

Другой случай имѣемъ въ обители Кармир-ванк̔ѣ на правомъ берегу Ахуряна въ ближайшей окрестности Ани[2]). Здѣсь въ армянской дарственной надписи семидесятыхъ годовъ XIII-го вѣка на монастырской церкви упомянутъ «арк̔аунъ Саргисъ»: ему было назначено въ годъ четыре дня службы. Сейчасъ трудно сказать, былъ ли этотъ монастырь арк̔аунскимъ, т. е. по предлагаемому толкованію мелькитскимъ, армяно-халкедонитскимъ, или въ надписи имѣемъ свидѣтельство заботъ членовъ армянской національной церкви объ усопшемъ родственникѣ-халкедонитѣ. Извѣстно, что въ ту эпоху бывали случаи, когда даже братья слѣдовали различнымъ исповѣданіямъ, такъ въ царствованіе Тамары въ армянскомъ княжескомъ домѣ Долгорукихъ (Երկայնաբազուկ, მხარგრძელი) Захарій былъ членъ армянской національной церкви, а Иванэ — халкедонитъ, но халкедонитъ грузинской группы. Конечно, и здѣсь толкованіе «арк̔ауна» въ значеніи мелькита, т. е. халкедонита сирійской группы лишь предположительное, хотя въ надписи имѣется одна оговорка, какъ будто поддерживающая такое предположеніе. Надпись провѣрена мною на

1) Объ этой надписи болѣе никто не сообщаетъ; очевидно, вскорѣ послѣ посѣщенія Муравьева она погибла. Тотъ кто читалъ ее русскому путешественнику, надо думать, смѣшалъ ց ц съ յ й, что̀ такъ легко сдѣлать, почему вм. «Аркайуновъ» у Муравьева читается «Аркацуновъ». Въ свою очередь у Алишана (Շիրակ, стр. 59) чтеніе «Аркацун»-овъ обратилось въ Արագածունի Араган̔уни! У Brosset (Ruines d'Ani, I, стр. 11) чтеніе Муравьева воспроизведено болѣе вѣрно: Arcatzoun-i, но со слѣдующею оговоркою: L'inscription, telle qu'on l'a dictée au voyageur, parait fabuleuse, car il n'existe aucun nom propre ni de famille, en arménien, semblable à ceux qu'il allègue». Какъ мы, даже ученые, готовы всегда признать баснями все то, чего мы не знаемъ или не понимаемъ!

2) Алишанъ (стр. 170) смѣшиваетъ этотъ Кармиръ-ванк̔ъ, на правомъ берегу Ахуряна, съ другимъ, на лѣвомъ берегу, расположеннымъ значительно дальше отъ Ани.

мѣстѣ лѣтомъ 1892-го года. Она представляетъ дарственную грамоту. Вкладчиками являются Ук̒анъ К̒оріадинъ и братъ его П[|||]апк̒анъ Вахрадинъ, дѣти Саргиса и невѣстка Ук̒ана Дапта-хат̒унъ. Они купили монастырь со всѣми его угодьями, построили храмъ и надѣлили недвижимыми имѣніями. «Въ воздаяніе за это», пишутъ вкладчики, «отецъ (настоятель) Саргисъ и прочая братія опредѣлили каждую недѣлю (службу) въ трехъ алтаряхъ нашему отцу Саргису и — развѣ не нашъ? — пусть служатъ и четыре дня арк̒ауну Саргису. Кто будетъ противиться нашимъ пожалованіямъ, да будетъ судимъ Христомъ нашимъ (Господомъ). Писецъ Мхит̒аричъ». Вопросъ, конечно, относится ли странная, необычная оговорка («развѣ не нашъ? пусть служатъ») къ монастырю или къ лицу, именно къ арк̒ауну Саргису? Въ послѣднемъ случаѣ замѣчаніе оказалось бы вполнѣ естественнымъ, если монастырь былъ антихалкедонитскій, т. е. національно-армянскій: «развѣ не нашъ и онъ? Пусть служатъ Саргису четыре дня, хотя онъ и арк̒аунъ (халкедонитъ)».

Еслибы Саргисъ надписи Кармир-ванк̒а, дѣйствительно, оказался такимъ образомъ халкедонитомъ сирійской группы, то съ южнымъ происхожденіемъ его рода вполнѣ гармонировали бы мусульманскія имена сородичей (Ук̒анъ К̒оріадинъ, П[|||]апканъ Вахрадинъ, Дапта-хат̒унъ). Въ этомъ отношеніи интересно, что въ одной памятной записи 1326-го года объ Аг̒т̒амарскомъ монастырѣ въ качествѣ благотворителей появляются Сефединъ Арк̒айунъ и Хеденекъ Арк̒айунъ (Ѳома Арц̒руни, изд. Патканова, стр. 321 и сл.[1]). Имена эти тѣсно связаны съ судьбою аг̒т̒амарскихъ католикосовъ, исторія которыхъ, весьма смутная вообще, въ XIV-мъ вѣкѣ совершенно темна. Достовѣрно извѣстно только то, что аг̒т̒амарское католикосство одно время находилось подъ тяжкими «неразрѣшимыми» проклятіями армянскихъ католикосовъ и вардапетовъ, но за что? За то ли только, что аг̒т̒амарское католикосство не подчинялось католикосамъ всѣхъ армянъ? Я лишь ставлю вопросъ, не желая нисколько толковать въ пользу моей теоріи темныя страницы исторіи. Для насъ пока достаточно констатировать, что въ Васпураканѣ, въ южной Арменіи, слово «арк̒айун» было извѣстно, хотя бы лишь въ значеніи фамиліи, въ такомъ случаѣ, быть можетъ, унаслѣдованной отъ предка-халкедонита. Къ этимъ знатнымъ армя-

1) Указаніемъ на это мѣсто, ускользнувшее отъ моего вниманія, я обязанъ Н. Г. Адонцу.

намъ-аркаунамъ съ арабскими именами составляетъ любопытную параллель имя одного изъ членовъ посольства, отправленнаго Аргуномъ ханомъ Персіи въ 1288-мъ году къ папѣ Николаю IV. Имя это—Сабадинъ Аркаунъ (Henri Cordier, The Book ot Ser Marco-Polo, I, стр. 290, прим. 1). Въ Historia Tartarorum ecclesiastica (Helmstadii 1741, стр. 75) авторъ H. Chr. Paulsen приводитъ имена другихъ членовъ: Барсумы, уйгурскаго монаха, поставленнаго въ епископы родной церкви несторіанскимъ патріархомъ Іабалахой, Ѳомы Анфузскаго и переводчика Угуета. Послѣдніе два участвовали и въ первомъ посольствѣ, отправленномъ за три года передъ тѣмъ Мангу-ханомъ къ папѣ Онорію IV. Сабадинъ Аркаунъ (Archaon) былъ знатенъ. Возможно, что онъ былъ также армянскаго происхожденія, какъ армянскіе князья «аркауны», упоминаемые въ Аггамарской записи 1326-го года. Имя *Сабадинъ*[1]), по всей вѣроятности, тоже самое, что арабское *Саhмадинъ*. Оно довольно обычно у армянъ, произносившихъ его и безъ ς: Самадинъ (см. Н. Марръ, Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ, 1893 = Зап. Вост. Отд., VIII, стр. 84). О вѣроисповѣданіи его можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что онъ не былъ ни несторіаниномъ, ни, конечно, яковитомъ. Это и могло облегчить присоединеніе его къ католической церкви. Онъ единственный изъ товарищей удостоился «апостольскаго благословенія съ отпущеніемъ грѣховъ» (Paulsen, Hist. Tartarorum ecclesiastica, стр. 77). Папа въ обращеніи къ нему пишетъ (ц. с., стр. 91): «laetantes in Domino, quod sis fidei catholicae lumine illustratus». Весьма возможно, что Сабадинъ, resp. Самадинъ былъ халкедонитъ, и сопровождающее его имя Archaon есть выразитель этого обстоятельства въ связи съ указаннымъ выше значеніемъ слова аркаунъ»[2]). Заслуживаетъ вниманія, что даже въ исповѣданіи вѣры, переданномъ папою Іабалахѣ III, оспариваются особенности греческаго, слѣдовательно, халкедонскаго исповѣданія, а не несторіанскія заблужденія. Chabot изъ этого заключаетъ, что папа не былъ въ точности освѣдомленъ о христіанской вѣрѣ у монголовъ[3]). Но, быть

---

1) Ср. еще форму Saabedin у Chabot, Histoire de Mar Jabalaha III Patriarche des Nestoriens (1281—1317) et du moine Rabban Çauma, Paris 1895, стр. 237.

2) Довольствоваться общимъ значеніемъ «христіанинъ» для этого слова въ данномъ мѣстѣ, какъ это дѣлаетъ Chabot, ц. соч., стр. 207, нельзя, разъ и другіе члены посольства христіане, но этого названія не носятъ.

3) ц. с., стр. 195: «Cette profession de foi est la même qui avait été rédigée par Clément IV pour être transmise à l'empereur Michel VIII Paléologue. Elle vise surtout les erreurs des Grecs et n'insiste en aucune façon sur les dogmes rejetés par les Nesto-

можетъ, папа былъ лучше освѣдомленъ по вопросу, чѣмъ нынѣшніе ученые съ исключительнымъ одностороннимъ представленіемъ о монгольскомъ несторіанствѣ, настроеніе которыхъ вполнѣ раздѣляетъ, очевидно, самъ Chabot.

Однако всѣ эти аркауны, даже завѣдомо армяне-аркауны, могли возникнуть подъ вліяніемъ монголовъ: они монгольской эпохи. И тѣмъ не менѣе любопытно и едва ли случайно, что терминъ «аркаунъ» особенно облюбованъ у армянъ хотя бы и въ качествѣ простого прозвища.

Докладъ мой такимъ образомъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, не притязая на достаточную ихъ всегда доказанность, иногда намѣчая путь къ нимъ или просто-таки ставя лишь вопросы съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе спеціалистовъ на высокій культурно-историческій интересъ изученія армянскаго халкедонитства и всего, что проливаетъ или можетъ пролить на него свѣтъ:

1) Халкедонитство въ Арменіи было живучее, глубоко и широко пустившее корни прогрессивное религіозно-культурное движеніе, одно время весьма плодотворное въ дѣлѣ подъема національной умственной жизни армянъ.

2) Послѣ побѣды антихалкедонитства армяне халкедониты стали исчезать благодаря процессу денаціонализаціи, предварительно распавшись на три главныя группы халкедонитовъ: грузинскихъ (грузинъ), греческихъ (грековъ) и сирійскихъ (мелькитовъ), называвшихся, быть можетъ, аркаунами.

3) Армянинъ-халкедонитъ изъ огрузинившейся Тао-Кларджетіи, Григорій Бакуріанъ, въ XI-мъ вѣкѣ основалъ грузинскій Петрицонскій монастырь въ Болгаріи, причемъ напрашивается вопросъ, не была ли дана оффиціальная санкція привилегій монастыря со стороны грековъ въ видахъ борьбы на мѣстѣ съ павликіанами?

4) За армянами-халкедонитами вобще, въ томъ числѣ и армянами-халкедонитами чисто греческой группы, должна быть признана существенная доля участія въ государственной и церковной жизни византійской имперіи.

5) Колонія армянъ-халкедонитовъ, аркауновъ, жившихъ одной

riens. On voit par là que le pape n'était pas très exactement informé de l'état de la religion chrétienne chez les Mongoles».

5*

жизнью съ сирійскими мелькитами, существовала въ Средней Азіи съ VIII-го вѣка, и отъ нихъ-то, быть можетъ, и усвоили монголы въ XIII-мъ вѣкѣ непосредственно или посредственно терминъ арḱаунъ, если даже искать его этимологію въ связи съ ἄρχων.

Н. Марръ.